

Ⓔ Pam 11(a)

Guerrier
Professor W. *Guerrier*
ПРОФЕССОРЪ В. ГЕРЬЕ

(de l'Université de Bordeaux)

Les Boërs

Б У Р Ы

et

И

pourquoi on doit leur souhaiter du succès.

ПОЧЕМУ СЛѢДУЕТЪ ЖЕЛАТЬ ИМЪ УСПѢХА

Les boers dans l'histoire. Les causes de la guerre. L'impérialisme britannique

Буры въ исторіи.— Причина войны.— Британскій имперіализмъ.—

Национальный вопросъ въ Южной Африкѣ.

La question de nationalité en Afrique du Sud.

ИЗДАНИЕ

ГОЛЛАНДСКАГО КОМИТЕТА ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ РАНЕННЫМЪ БУРАМЪ

1900

GUE

1.1.

No. 29390.

UNIVERSITEITSBIBLIOTEK

UNIVERSITEIT VAN SITTIC

18 SEP 1944

(E) Pam. II. ca)

29390

Vladimir Ivanovich Guerrier

ПРОФЕССОРЪ В. ГЕРЬЕ

Bury

Б У Р Ы

и

почему слѣдуетъ желать имъ успѣха

ПОЧЕМУ СЛѢДУЕТЪ ЖЕЛАТЬ ИМЪ УСПѢХА

Буры въ исторіи.—Причина войны.—Британскій имперіализмъ.—
Национальный вопросъ въ Южной Африкѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1900

V. I. Guerrier: The Boers and why we should wish them success.

ПРОЦЕДУРА И ТИПЪ

Р. У. Р. П.

ПРОЦЕДУРА И ТИПЪ

Дозволено цензурою 24-го марта 1900 г. С.-Петербургъ.

I.

Буры въ исторіи.

Свѣтлою полосой остается въ исторіи европейскаго общества его горячее участіе къ судьбѣ возставшихъ противъ турецкаго гнета грековъ, когда Нибуръ тужилъ на лекціяхъ о «замученныхъ» (hingemordet) суліотахъ, а Байронъ, въ блескѣ своей славы, сталъ въ ряды защитниковъ Миссолунги. Но шире еще и единодушнѣе, — если оставить въ сторонѣ Англію, — проявилось въ наше время сочувствіе къ бурамъ: съ трепетомъ ожидали отъ Лиссабона до Владивостока и старъ и младъ каждое утро извѣстій о томъ, что произошло на Тугелѣ и не палъ ли наконецъ Ледисмитъ. Въ этомъ поразительномъ единодушіи играютъ, конечно, немалую роль политическіе интересы. Португальцы боятся за свою бухту Делагоа, испанцы сердятся за Кубу; французы, не забывшіе Ватерлоо, вспоминаютъ о Фашодѣ; нѣмцы думаютъ о томъ, что если Англія раздавить буровъ, то ей будетъ легко сокрушить начинающую развиваться нѣмецкую торговлю и мечты о нѣмецкомъ флотѣ; а что думаютъ русскіе — каждому изъ нихъ извѣстно. Однако, какъ бы ни тяготѣла надъ совѣстью человѣка политика его отечества, онъ, къ счастью, можетъ руководиться и помимо этого чувствомъ справедливости и сочувствіемъ къ болѣе слабому и угнетенному. Многія тысячи людей, никогда прежде не слыжавшихъ о бурахъ и не умѣющихъ произносить ихъ имя, желаютъ имъ успѣха лишь потому, что они стоятъ за свою независимость и что они пого-

ловно, бросивъ женъ, дѣтей и свои созрѣвавшія нивы, посѣпили стать подъ команду своихъ фельдкорнетовъ—мишенью пуль думъ-думъ и лиддитовыхъ гранатъ. Но еще сильнѣе должно быть это желаніе у тѣхъ, кто знаетъ буровъ, кому они представляются не горстью голландскихъ мужиковъ, заброшенныхъ судьбою между дикими кафрами и цивилизованными англичанами, а въ ихъ двухтысячелѣтней исторіи, какъ образчикъ народа героическаго, закаленнаго въ постоянной борьбѣ за существованіе, — борьбѣ съ природой и могущественными сосѣдями.

Предки буровъ Трансваала появились на горизонтѣ исторіи девятнадцать вѣковъ тому назадъ, и нашимъ первымъ знакомствомъ съ ними мы обязаны не кому иному какъ Тациту, въ краткихъ, но многозначительныхъ выраженіяхъ обрисовавшему неизгладимыя черты характера и историческій обликъ маленькаго племени, заставившаго въ его время затрепетать могущественный Римъ. Батавы, какъ называетъ римскій историкъ это племя, составляли часть другого, болѣе обширнаго народа въ центрѣ Германіи, но ушли отъ раздора и поселились въ «пустынной окраинѣ», въ никѣмъ не занятой области на берегу океана, у устьевъ Рейна, между его рукавами. Однако этимъ самымъ они сдѣлались сосѣдями Римской имперіи. Римская политика извѣстна: расширяя свои владѣнія, сенатъ одни племена заставлялъ силою оружія склоняться предъ Римомъ, другія—любезно (*comiter*) склонялъ стать въ почетное положеніе римскихъ союзниковъ. Батавами Римъ дорожилъ: завоевывать ихъ бѣдную страну не стоило, но какъ союзники они были драгоцѣнны по своей военной доблести. Римскій историкъ особенно подчеркиваетъ ихъ умѣнье переправляться на коняхъ черезъ широкій Рейнъ въ полномъ вооруженіи и сомкнутыми рядами. Поэтому, какъ говоритъ Тацитъ, батавы «не потерпѣли отъ могущества римлянъ, какъ то бываетъ въ сообществѣ съ болѣе сильными»; отъ нихъ не требовали дани, а только вспомогательныхъ отрядовъ, и батавы, воинственные и бѣдные, охотно шли на римскую военную службу.

Но пришло время и имъ потерпѣть. Два знатныхъ батава «по ложному доносу, будто они намѣрены отложиться»,—говоритъ правдивый историкъ, — подверглись опалѣ; одинъ былъ убитъ римскимъ намѣстникомъ, другой, по имени Клавдій Цивилисъ, въ оковахъ отправленъ въ Римъ. Это было въ послѣдніе дни правленія Нерона; свергнувшій этого императора Гальба возвратилъ Цивилису свободу, но на родинѣ его жизнь снова подверглась опасности отъ злобы противъ него римлянъ. Тогда Цивилисъ пришелъ къ убѣжденію, что настала часъ освободиться отъ гнета римлянъ. Онъ искусно замаскировалъ всѣ приготовления къ борьбѣ съ грознымъ врагомъ, опоясавшимъ батавскій «островъ» своими крѣпостями и укрѣпленными лагерями, и застигнутые врасплохъ римляне почтили варвара устами Тацита лестнымъ отзывомъ, что онъ былъ «ума болѣе изобрѣтательнаго, чѣмъ это бываетъ у варваровъ».

Цивилисъ дѣйствительно съ доблестями военнаго вождя соединялъ способности дипломата. Онъ сумѣлъ склонить на свою сторону небольшое сосѣднее и родственное племя канинефатовъ, и ихъ вождь, Бриннонъ, сталъ для него преданнымъ и отважнымъ помощникомъ; онъ сумѣлъ пробудить единодушное негодованіе своихъ земляковъ: собравъ на празднество въ «священной рощѣ» вожаковъ племени и смѣльчаковъ изъ простого народа, онъ сталъ въ ночной тишинѣ говорить возбужденной толпѣ о славѣ племени и о несправедливостяхъ и грабительствахъ римлянъ: «Васъ уже не почитаютъ союзниками, какъ прежде, а обращаются съ вами какъ съ рабами». И на самомъ дѣлѣ, когда Римомъ былъ предписанъ наборъ, римскіе офицеры вносили въ списки стариковъ и больныхъ, чтобы брать съ нихъ выкупъ, и красивыхъ мальчиковъ для отправки въ Римъ. Сами римляне дѣйствовали на-руку Цивилису.

Замѣтивъ, что римлянамъ стали извѣстны его замыслы, Цивилисъ предупредилъ ихъ смѣлымъ натискомъ на ближайшій римскій лагерь; успѣхъ былъ на его сторонѣ, и возстаніе скоро приняло широкіе размѣры. Посланцы Цивилиса стали проникать въ Галлію и къ германцамъ, при-

нявшимъ власть Рима, напоминая имъ о перенесенныхъ ими бѣдствіяхъ и увѣщевая ихъ свергнуть съ себя «жалкое рабство, которое живо называютъ миромъ». Время для войны съ Римомъ было благопріятное; противъ императора Вителлія возсталъ побѣдоносный Веспасіанъ; поэтому римскіе легіоны въ Германіи были вызваны въ Италію, а оставшіеся въ Германіи командиры неумолявали, на чью сторону стать. Когда они высказались за Вителлія, Цивилисъ провозгласилъ Веспасіана; смута господствовала въ римскомъ лагерѣ, и скоро все побережье Нижняго Рейна было во власти батавовъ; Цивилисъ взялъ римскую Колонію (Кельнъ) и осадилъ крѣпкій Ксантенъ (старый лагерь). Римляне освободили городъ, но упорные батавы снова осадили его и по прошествіи года принудили къ сдачѣ голодомъ. Батавы уже подступили къ оплоту римскаго могущества, къ Майнцу, въ центрѣ германіи, и вѣщая Велледа, съ своей башни въ глубинѣ лѣсовъ, уже пророчила паденіе Рима.

Но съ тогдашнимъ Римомъ еще трудно было бороться варварамъ: онъ былъ силенъ не только легіонами, но и своими полководцами. Однимъ изъ лучшихъ былъ Цереалисъ, отправленный противъ Цивилиса. Правда, характеризуя его, Тацитъ болѣе превозноситъ его счастье, чѣмъ его искусство, и упрекаетъ его, какъ и его войско, въ пренебреженіи дисциплиной, но успѣхъ его прославилъ — *eventu clarus*. Въ первой битвѣ Цивилисъ одержалъ побѣду; но его германцы бросились грабить и разсыпались, а Цереалисъ воспользовался этимъ и превратилъ поражение въ побѣду. Кончилось тѣмъ, что римляне не только заняли отнятыя у нихъ области, но и вторглись въ «островъ» батавовъ. При этомъ римскій полководецъ приказалъ щадить имѣнья Цивилиса. Хотѣхъ ли онъ его этимъ задобрить или навлечь на него подозрѣніе въ измѣнѣ и посѣять раздоръ среди батавовъ, мы не можемъ сказать; но очевидно, что умный побѣдитель старался уладить дѣло миромъ и не доводить батавовъ до отчаянія. Сама природа стояла за нихъ:

отъ сильныхъ осеннихъ дождей вода въ рѣкахъ поднялась и залила римскій лагерь.

Со стороны батавовъ также склонялись къ миру. Тацитъ влагаеть въ уста батавамъ грустное разсужденіе: «Невозможно одному племени бороться противъ цѣлаго міра». При такомъ настроеніи начались переговоры; мостъ черезъ рѣку Нагалисъ былъ посрединѣ разобранъ; съ двухъ противоположныхъ его концовъ взошли на него противники — главнокомандующій римскими силами и народный герой; — но въ самомъ этомъ мѣстѣ обрывается для насъ повѣствованіе Тацита, и тщетно ищутъ со времени гуманистовъ «потерянной рукописи».

Несомнѣнно однако, что батавы отстаили свою національность: тогда какъ романизация пустила глубокіе корни на Рейнѣ и въ Южной Германіи, римское владычество безслѣдно прошло въ странѣ батавовъ и фризозъ.

Съ этого времени судьба батавовъ скрыта отъ насъ густою пеленой; переселеніе народовъ коснулось этой сѣверовосточной окраины Римской имперіи меньше другихъ областей. Фризы сохранили свою родину, свое имя и свои особенности; батавы слились съ сосѣдными племенами въ могущественный народъ франковъ, который положилъ основаніе новой культурѣ и новому государственному строю на мѣсто римскаго. Въ древней Батавіи сложились новыя области — Зеландія, Голландія и др. Обитатели этихъ областей жили въ сторонѣ отъ смуть и войнъ, сопровождавшихъ возникновеніе имперіи Карла Великаго и новыхъ феодальныхъ порядковъ. Они въ это время вели тяжелую непрерывную борьбу съ новымъ, безпощаднымъ врагомъ — океаномъ, который постоянно порывался поглотить ихъ землю. Въ этой борьбѣ пало много жертвъ и понесено много потерь; о томъ свидѣлствуютъ оторванные отъ материка, или цѣликомъ поглощенные морскою пучиною острова, затонувшіе деревни, монастыри, города, неожиданно обнаруживавшіе свое забытое существованіе удивленнымъ жителямъ побережья при низкомъ стояніи водъ. Еще въ 1877 году были замѣчены остатки затонувшаго города

Греббе. Эта постоянная осадная работа океана смѣнялась отъ времени до времени страшными приступами: въ 839 году море нахлынуло во второй рождественскій праздникъ съ такой силой, что покрыло всю Фризію водой, а въ 1170 г. оно такъ далеко зашло въ глубь страны, что подъ стѣнами Утрехта ловили морскую рыбу. Самымъ страшнымъ памятникомъ этой войны природы съ человѣкомъ остался Зюдерзе, громадное водяное пространство внутри Голландіи въ 30,000 кв. верстъ, съ соленою водой и прибоемъ волнъ—тамъ, гдѣ во время римлянъ было «тихое» озеро, соединенное съ моремъ узкимъ проливомъ. Но голландскій крестьянинъ — буръ — одолѣлъ природу съ помощью ея самой и навѣянные бурей пески (дюны) сумѣлъ обратить въ искусную твердыню, ограждающую страну отъ океана.

Однако надъ Голландіей уже распростеръ свою властную руку врагъ другого рода; жителямъ Батавіи пришлось во второй разъ имѣть дѣло съ воинственнымъ государствомъ и грозной арміей, лучшей арміей того времени — испанской. Волею судьбы и по феодальному праву графства Голландія, Зеландія и др. достались Бургундскому дому, а вслѣдствіе брака Маріи Бургундской съ Максимилианомъ Габсбургскимъ перешли по наслѣдству къ ихъ правнуку, королю испанскому Филиппу II. Нидерландцы имѣли мало общаго со своимъ новымъ властелиномъ: ихъ раздѣляла самая сильная изъ преградъ—особенно въ то время—вѣра. Филиппъ считалъ назначеніемъ своей царской власти искорененіе ереси; нидерландцы склонялись къ ней. Это былъ народъ благочестивый, высоко почитавшій Божіе слово. Во второй половинѣ XV в. именитый «бургеръ» Лейдена собственноручно переписалъ на родномъ языкѣ все Священное Писаніе и передалъ рукопись приходской церкви, чтобы всѣ «добрые и честные люди на досугъ могли изучать слово Божіе». Скоро затѣмъ распространилось книгопечатаніе, и Библія, стоившая прежде 100 флориновъ, стала всѣмъ доступна. Но независимо отъ этого даже среди духовенства и монашества въ Нидерландахъ обнаружилось недовольство господствовавшими въ церкви порядками и

злоупотребленіями. Изъ Ротердама вышелъ, какъ извѣстно, знаменитый гуманистъ, который надѣялся посредствомъ просвѣщенія реформировать католицизмъ и возстановить въ немъ христіанскую мораль. А за годъ до того, какъ Лютеръ выставилъ въ Виттенбергѣ свои тезисы противъ индульгенцій, въ Девентерѣ вышла книжечка, въ которой между прочимъ можно было прочесть, какъ съ того свѣта явился монахъ своему товарищу и жаловался, что, несмотря на купленную имъ индульгенцію, онъ осужденъ на-вѣки. «Какъ же такъ,—спросилъ монахъ,—развѣ грамота была написана неправильно?»—«Совершенно правильно,—былъ отвѣтъ,—но на мою бѣду я попалъ въ руки чорту, который не зналъ по-латыни, а только по-нѣмецки (dietsch), и потащилъ меня въ адъ, гдѣ я теперь долженъ вѣчно страдать».

При такомъ настроеніи сочиненія Лютера читались съ жадностью, а проповѣдники, побывавшіе въ Виттенбергѣ и говорившіе народу на его родномъ языкѣ, имѣли большой успѣхъ. Но личныя убѣжденія и политическій интересъ побудили Карла V преслѣдовать самыми строгими мѣрами новое ученіе, и уже въ 1524 г. въ старѣйшемъ городѣ Голландіи, въ Дордрехтѣ, гдѣ потомъ были установлены догматы новой вѣры, былъ за нее публично сожженъ священникъ Янъ Янсзонъ.

Пламя этого перваго ауто да фе не остановило реформаціоннаго движенія, но было зловѣщимъ симптомомъ грядущихъ бѣдъ. Скоро къ религіозной розни присоединилась политическая, когда изъ Брюсселя стали вводить новые государственные порядки и административное однообразіе—въ странѣ, привыкшей къ разнообразію и вольностямъ. А все это ухудшалось національнымъ контрастомъ: намѣстники и совѣтники короля и гарнизоны, охранявшіе порядокъ, были испанцы. Правда, доны и кавалеры изъ Толедо и юристы изъ Саламанки были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представителями болѣе утонченной культуры, но она была чужда бургерамъ и бурамъ Нидерландовъ, которымъ не имѣли основанія стыдиться своей національной культуры.

При такихъ условіяхъ было неизбѣжно столкновение между «имперіей», въ которой «не заходило солнце», и мирнымъ народцемъ, жившимъ на отвоеванной у океана землѣ. Въ настоящее время, 300 лѣтъ спустя послѣ отпаденія Нидерландовъ, намъ, судящимъ по результатамъ, тогдашняя политика Испаніи представляется безуміемъ. «Здѣсь, въ Нидерландахъ,—писалъ венеціанскій посолъ,—настоящія сокровища короля Испаніи, здѣсь его рудники, его Индіи». Опытный и тонкій итальянскій дипломатъ былъ, какъ всегда, правъ. Тогда какъ рудники «новой Индіи» доставляли ежегодно въ испанскую казну не болѣе 1.200,000 флориновъ, Испанія извлекала изъ нидерландскихъ провинцій около 5-ти миллионовъ, причемъ одно Голландское графство давало отъ 6 до 800,000 флориновъ. Политика Филиппа лишила его этой богатой сокровищницы. Сорокалѣтняя война между Испаніей и Нидерландами кончилась потерей 7-ми изъ 17-ти провинцій, и этотъ ущербъ Испанія еще въ добавокъ купила дорогою цѣной собственнаго паденія. Но это мы знаемъ теперь; а въ то время безуміемъ должна была казаться попытка отпаденія! Какъ можно было рѣшиться на борьбу въ виду такого неравенства силъ? Это совершенно необъяснимо, если не принять во вниманіе вѣры нидерландцевъ въ то, что они стояли за правое дѣло, и что Богъ имъ поможетъ.

Въ борьбѣ батавовъ съ Римскою имперіей мы знаемъ, благодаря Тациту, только вождя, который представленъ виновникомъ войны и который одинъ освѣщенъ историкомъ. Въ лучше намъ извѣстной борьбѣ Нидерландовъ съ Испаніей мы видимъ и вождя, и народъ, и мы невольно спрашиваемъ себя, что случилось бы съ голландцами безъ Вильгельма Оранскаго, и что могъ бы сдѣлать принцъ Оранскій, если бы его духъ не жилъ во всемъ голландскомъ народѣ? Вильгельмъ Оранскій великъ какъ воинъ и какъ дипломатъ, но всего выше онъ въ минуты пораженія и отчаяннаго положенія дѣла, а такія минуты ему приходилось не разъ переживать. Въ 1572 году онъ вторгся въ Брабантъ съ войскомъ, которое съ величайшимъ трудомъ

собралъ въ Германіи; близъ французской границы съ нимъ долженъ былъ соединиться Колинъ со своими гугенотами. Какъ выражается одинъ историкъ, походъ былъ подготовленъ съ такою предусмотрительностью, всё мѣры приняты съ такою гениальностью, что можно было рассчитывать на успѣхъ почти съ математическою вѣрностью. Но Варооломеевская ночь разрушила эти надежды, а ночное нападеніе испанцевъ на лагерь Вильгельма разстроило его войско. Принцу Оранскому пришлось предоставить осажденнаго въ Бергенѣ брата его судьбѣ; войско, не получавшее жалованья,—распустить; съ нѣсколькими ротами пѣхоты Вильгельмъ отступилъ въ Голландію, гдѣ онъ «собирался выждать дальнѣйшаго теченія дѣлъ и Божьей воли, держаться до крайности и, если то будетъ неизбѣжно, искать смерти». Въ это время онъ писалъ своему брату Іоанну: «Богу было угодно лишить насъ всѣхъ надеждъ, которыя мы могли возлагать на людей».

Когда годъ спустя дѣло приняло еще худшій оборотъ, когда врагъ стоялъ въ самой Голландіи и взялъ Гарлемъ, Вильгельмъ Оранскій писалъ одному приближенному, впадшему въ отчаяніе: «Вы спрашиваете меня, заключилъ ли я союзъ съ тѣмъ или другимъ могущественнымъ королемъ или государемъ? На это я вамъ скажу, что я, прежде чѣмъ взять на себя дѣло угнетенныхъ христіанъ въ здѣшнихъ провинціяхъ, заключилъ тѣснѣйшій союзъ съ Царемъ царей, и я глубоко убѣжденъ, что всѣ, кто на Него уповаютъ, будутъ спасены Его всемогущей десницей». Совершенно такъ же и голландскій народъ, прославившійся многими блестящими подвигами и мужественными оборонами, былъ всего величественнѣе въ терпѣніи, страданіи и безъисходныхъ испытаніяхъ.

Самымъ поразительнымъ образчикомъ обоюднаго героизма вождя и всего народа является безсмертная въ памяти людской осада Лейдена, которая вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою и самый патетическій моментъ борьбы за освобожденіе Нидерландовъ.

Задушивъ въ дыму костровъ возстаніе въ западныхъ

областяхъ, испанцы вторглись черезъ Гелдерланъ въ Голландію. Донъ Фадрикве, командовавшій 30,000-нымъ испанскимъ войскомъ, буквально исполнялъ приказаніе своего отца, герцога Альбы,—сжигать города и не оставлять въ живыхъ ни одного человѣка, чтобы запугать противника. Такъ и поступили испанцы въ Зуттенѣ, гдѣ, утомившись кровопролитіемъ, палачи связали по-парно спиной другъ къ другу 500 гражданъ и потопили ихъ въ Исселѣ. Такъ же поступили въ Наарденѣ, гдѣ жителямъ обѣщали пощаду, но, когда они сдались, ихъ созвали въ церковь и тамъ перебили до послѣдняго. Героическая защита Гарлема съ 11-го декабря по 12-е іюля, во время которой присѣвшіе на выручку «геизы» напали на изумленныхъ испанцевъ по льду на конькахъ,—кончилась взятіемъ этого города, и наконецъ очередь дошла до Лейдена. Городъ подвергся осадѣ, продолжавшейся съ начала октября по 21-е марта; но испанское войско ушло отъ города, чтобы сразиться съ подоспѣвшимъ Людовикомъ Оранскимъ, и жители вздохнули спокойно; даже находившійся въ Лейденѣ гарнизонъ былъ оттуда выведенъ; но въ ночь на 26-е мая испанцы снова стояли подъ городомъ, защищаемымъ теперь одними жителями. И тутъ передъ нами развертывается поразительное зрѣлище; не знаешь, чему болѣе изумляться—героическому терпѣнію жителей, которые, несмотря на крайнее истощеніе и голодъ, держатся въ надеждѣ на принца Оранскаго, или стойкости и энергіи принца въ спасеніи города. Надо было собрать деньги и набрать войско, но этихъ силъ оказалось недостаточно. Тогда явилась мысль обратиться за помощью къ старому врагу—океану—и спустить его на зеленѣющія нивы. Жертва была громадная и не легко было уговорить на нее штаты, наконецъ согласіе было дано, и въ городахъ Голландіи закипѣла работа; надо было построить нѣсколько сотъ плоскодонныхъ лодокъ; а въ это время принцъ Оранскій тяжело заболѣлъ. Но извѣстіе, что лейденцы ждуть его, подняло его силы. Плотины были прорваны, и шедшая на освобожденіе Лейдена флотилія стала подплывать къ городу. Но здѣсь пришлось подъ пушками испанцевъ прорывать укрѣ-

пленные ими возвышенія. Наружную линію наконецъ взяли; но внутреннія нельзя было одолѣть безъ тяжелой артиллеріи, за которой пришлось посылать въ Дельфтъ. Приступъ не удался; вода поднималась, но недостаточно высоко и флотъ не могъ подойти къ городу, въ которомъ изъ 14,000 жителей уже двѣ пятыхъ пали жертвой истощенія и голода. Но старый врагъ въ послѣднюю минуту выручилъ: 29-го сентября поднялась буря съ сѣверо-запада, погнавшая волны океана въ устье рѣки Маасъ, волны которой сквозь прорванные плотины залили страну. Въ полночь съ 1-го на 2-е октября флотъ приблизился къ Лейдену. Его отдѣляло отъ города еще только одно сильное укрѣпленіе, но оно было очищено испанцами. Почтовый голубь, посланный осажденнымъ, опоздалъ и они не сдѣлали условленной вылазки; прибывшій на выручку адмиралъ уже думалъ, что городъ сдался; но въ воротахъ его стояли жалкіе остатки населенія, едва державшагося на ногахъ— всѣ поспѣшили въ церковь, но церковное пѣніе не могло состояться изъ-за рыданія толпы.

Но слезы Лейдена были пролиты не напрасно. Осада этого города была поворотнымъ пунктомъ въ борьбѣ за освобожденіе Нидерландовъ. Напрасно Испанія высылала свои лучшія силы и всѣхъ своихъ знаменитыхъ въ военной исторіи генераловъ— послѣ Альбы, Реквезенса, принца донъ-Хуана Австрійскаго, принца Александра Пармскаго. Въ борьбѣ росла предпримчивость и самоувѣренность нидерландцевъ и въ вѣрномъ пониманіи того, что они бьются не за національность только, но и за культуру. Штаты наградили Лейденъ основаніемъ въ немъ университета, о которомъ въ наше время извѣстный католическій прелатъ и ученый Деллингеръ сказалъ, что онъ имѣетъ больше значенія въ исторіи европейской культуры, чѣмъ вся культура Польши и Венгріи.

Въ 1609 г. Испанія заключила перемиріе съ 7-ю отложившимися отъ нея провинціями, и съ тѣхъ поръ ихъ благосостояніе стало дѣлать быстрые успѣхи; вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась въ нихъ и оригинальная культура, лучшимъ представителемъ которой является Рембрандтъ. Во многихъ

областях матеріальной и духовной культуры голландцы сдѣлались учителями европейскихъ народовъ и между прочимъ русскихъ,—о чемъ свидѣтельствуеъ домикъ въ Саардамѣ съ наивной русской надписью: «Главному человѣку ничего не мало» (1894). Но памятуя, что она обязана своимъ возвышеніемъ любви къ свободѣ, Голландія стала и для другихъ оплотомъ свободы. Она дала пріютъ у себя испанскимъ евреямъ, бѣжавшимъ въ инквизицію, гугенотамъ, ухидившимъ отъ насильственныхъ обращеній драгунами и англійскимъ вигамъ, спасавшимся отъ кровавыхъ судовъ Іакова II. Подъ ея покровительствомъ построилъ Спиноза свою міровую систему и Бейль положилъ начало исторической критикѣ. Но голландцы и для себя хранили завѣтъ свободы. Когда побѣдоносныя войска Людовика XIV заняли Голландію, патриціанскія фамиліи голландскихъ родовъ рѣшили сѣсть на корабли и переплыть океанъ, чтобы основать на Суматрѣ и Явѣ новую Голландію. Но до этого не дошло. Еще разъ Оранскій принцъ сталъ вождемъ своей націи, съ ея помощью освободилъ, по выраженію англійскихъ историковъ, отъ «тираніи» самую Англію и, соединивъ оба народа, положилъ предѣлъ завоевательной политикѣ Людовика XIV.

Въ XVIII вѣкѣ Амстердамъ былъ европейскою биржей, но нравственныя силы голландскаго патриціата ослабѣли и когда въ концѣ вѣка французскіе завоеватели снова явились въ Голландію, ея правительство безъ боя предоставило имъ страну. Но за океаномъ, въ далекой Африкѣ, уже зародилась новая Голландія, сохранившая духъ и лучшія преданія родины. Мысль Доброй Надежды была открыта португальцами, но вмѣстѣ съ ними подпала подъ власть Испаніи, а у послѣдней была отнята голландцами. Въ половинѣ XVII вѣка въ Капландіи появились первые голландскіе колонисты—буры, къ которымъ скоро присоединились французскіе гугеноты. Имъ пришлось привыкать къ совершенно иной, чуждой имъ природѣ,—пришлось бороться не съ волнами, а съ пустыней и зноемъ; вмѣсто того, чтобы быстро скользить въ лодкахъ по безчисленнымъ каналамъ и рѣчнымъ рукавамъ, имъ приходилось медленно

двигаться (treck) по степи въ телѣгахъ, запряженныхъ длиннымъ цугомъ воловъ, среди звѣрей пустыни и лѣсныхъ людей (бушменовъ). Буры и здѣсь одолѣли природу и зажили въ довольствѣ; къ нимъ вернулась отвага и удале предковъ; на своихъ маленькихъ коняхъ они смѣло переплывали самыя широкия и быстрыя рѣки; но они сохранили и качества предковъ: простоту и чистоту нравовъ, религіозность и безпредѣльную любовь къ независимости.

Но и тутъ къ нимъ придвинулась могущественная имперія; какъ во времена Тацита, имъ пришлось испытать невзгоды, неизбежныя отъ сосѣдства съ болѣе сильными (societate validiorum). Въ войнѣ съ Наполеономъ англичане заняли Капландію и не возвратили ее Голландіи на вѣнскомъ конгрессѣ. Какъ за двѣ тысячи лѣтъ ихъ предки «ушли отъ раздора», такъ и многіе буры поднялись съ мѣста и стали искать въ Наталѣ новыхъ жилищъ; но англичане пошли за ними и отрѣзали ихъ отъ моря; тогда снова поднялись буры и ушли на Оранжевую рѣку и въ Трансвааль. Но за ними по пятамъ шли англичане; они отняли у буровъ Кимберлей съ его алмазными розсыпями; они поощряли набѣгъ Джемсона, чтобы овладѣть золотыми рудниками Юганнесбурга. Съ этой минуты ни для кого не было сомнѣнія, что потомкамъ батавовъ придется въ третій разъ въ исторіи вести борьбу на жизнь и смерть съ могущественнымъ государствомъ, вооруженнымъ на этотъ разъ всѣми совершенствами современной техники. Друзья буровъ опять съ безпокойствомъ спрашивали: съ кѣмъ изъ королей и могущественныхъ государей Европы ихъ вожди заключили тайный договоръ, кто имъ поможетъ?—и не находили отвѣта на этотъ тревожный вопросъ. Но сами буры объ этомъ не спрашивали. Когда настала часть, ни одинъ изъ нихъ не остался дома,—все отъ 16-ти до 60-ти лѣтъ поспѣшили подъ знамя по призыву сѣдаго вождя, который укрѣплялъ ихъ вѣрой, что Богъ не оставитъ праваго дѣла. «Господь Богъ нашъ,—сказалъ онъ имъ,—водворилъ насъ въ этой странѣ и велъ насъ неисповѣдимыми путями до сего дня. Хотя бы тысячи низринулись на насъ—безъ Его воли мы не уступимъ ничего изъ того, что Онъ даровалъ намъ».

Но развѣ ихъ дѣло правое?—сомнѣваются иные:—вѣдь буры мужики, а Англія несетъ имъ культуру! Буры хорошо знаютъ, что побѣда Англіи означаетъ для нихъ не торжество культуры, а господство проходимцевъ, прельщенныхъ золотыми пріисками въ Трансваалѣ, и «джобберовъ» биржи: но въ Европѣ не всѣ помнятъ, что культура народа измѣняется его дѣянiями и что насиловать независимость народа не есть культурный подвигъ. Къ тому же такое насиліе надъ свободой какъ разъ противорѣчитъ тѣмъ принципамъ, изъ-за которыхъ почитается англійская культура и за которые боролись и страдали лучшіе англійскіе люди. Эти принципы и теперь въ Англіи не вымерли, но лишь забыты. Одно изъ лучшихъ свойствъ англійской націи—то, что она никогда не боялась диссента, т. е. разномыслия и свободно его допускала, даже въ эпохи крайняго увлеченія и раздраженія. Во время близорукой политики, приведшей къ отпаденію Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, старшій Питтъ не убоился взывать къ истиннымъ англійскимъ принципамъ и горячо ратовалъ въ парламентѣ противъ несправедливой и неполитичной войны съ колоніями. И въ настоящее время въ Англіи немало людей, понимающихъ, чего требуютъ интересы англійской культуры. Мы имѣемъ письмо изъ Англіи, авторъ котораго называетъ войну противъ буровъ жестокой, несправедливой и подлой («such a cruel, unjust and base war»); передъ нами англійская газета съ каррикатурой на войну и цѣлой страницей объявленій о брошюрахъ, написанныхъ противъ войны. Лучшіе дни въ исторіи Англіи были тѣ, когда она дѣйствовала заодно съ націей, родственной ей по языку и религiи, которую она теперь старается истребить. Друзьямъ англійской культуры не слѣдуетъ вѣрить тѣмъ министрамъ Англіи, которые снова «рабство ложно обзываютъ миромъ», а свое господство прикрываютъ именемъ справедливости и равноправности кафровъ; друзья Англіи должны желать ей не побѣды, а ради нея же самой какъ можно болѣе скорого окончанія этой безразсудной и преступной войны.

II.

Изъ-за чего «Томми Аткинсъ» истребляетъ буровъ?

Кому теперь извѣстенъ «Томми Аткинсъ»,—какъ называютъ англичане не-то поощрительно, не-то слегка шутливо своихъ наемныхъ солдатъ?.. Изъ-за чего же этотъ Томми Аткинсъ убиваетъ буровъ, рискуя собственной жизнью? «И еще такъ дешево, бѣдняга, получая сверхъ харчей лишь полтинникъ въ день, въ качествѣ пушечнаго мяса, безъ сомнѣнія вынужденный къ этому голодомъ и нуждой, лучшими вербовщиками англійской арміи!» — какъ поясняетъ правдолюбивый авторъ прекрасной статьи въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ. Вы думаете можетъ - быть, — спрашиваетъ онъ своихъ читателей, — что Томми Аткинсъ дерется изъ-за избирательныхъ правъ аутлендеровъ, получающихъ 10 рублей въ день? Нисколько! Аутлендеры ничего не выиграютъ отъ этой войны и много уже потеряли.

Такъ изъ-за чего же происходитъ, — спросимъ и мы себя, — эта истребительная война, которая внушаетъ тревогу миллионамъ людей всѣхъ національностей своими роковыми телеграммами изъ Африки? — Причиной войны былъ дерзкій ультиматумъ Крюгера, этого «спятившаго съ ума (crazy) стараго деспота», — думаютъ или говорятъ иные англичане. Причиной войны былъ «постоянный отказъ (refusal) британскаго правительства вѣрить въ близость

разрыва съ Трансваалемъ»,—увѣряетъ насъ наивный майоръ Артуръ Грифитсъ. Причиной войны,—говорить, болѣе приближаясь къ истинѣ, мистеръ Гарретъ, членъ капскаго парламента», — «очень странная геологическая случайность—открытіе золотыхъ залежей какъ - разъ въ странѣ кочевыхъ буровъ.

Да, но не одна геологія предрѣшаетъ ходъ исторіи. Какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи есть силы, дѣйствующія какъ бы стихійно, то благотѣльно, то разрушительно для человѣка, то созидая государства и подвигая цивилизацію, то уничтожая и то и другое.

Три такія силы въ особенности проявляютъ свое дѣйствіе въ южно-африканскихъ дѣлахъ и могутъ считаться главными причинами трансваальской войны. Но, принимая въ этомъ случаѣ чисто мѣстный характеръ, онѣ въ то же время остаются общими, въ извѣстной степени повсемѣстными явленіями и заслуживаютъ поэтому тѣмъ большаго вниманія. Еще Мольтке высказалъ мнѣніе, что самую вѣроятную причину войнъ будущаго надо будетъ искать во вліяніи биржи. Его пророчество оправдалось весьма скоро въ Южной Африкѣ. Причиной войны съ Трансваалемъ было не только нахожденіе въ немъ золота, сколько-то, что этимъ золотомъ завладѣлъ капитализмъ. Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть не просто силу или интересъ капитала, обращеннаго на разработку золотыхъ залежей, но появленіе и преобладаніе въ Южной Африкѣ коалиціи международныхъ капиталистовъ. Первымъ поводомъ къ ея появленію на сценѣ былъ захватъ англичанами города Кимберлея съ его алмазными копами. Въ 1854 г. Англія признала независимость «свободнаго штата» на Оранжевой рѣкѣ; нѣсколько лѣтъ спустя въ Кимберлеѣ, на западной границѣ этого штата, стали находить алмазы; въ 1867 г. такъ называемый южно-африканскій алмазъ былъ проданъ за 25,000 р. Англійское правительство всполошилось: разыскали вождя туземцевъ по имени Ватербура, у котораго буры когда-то купили этотъ округъ, и заставили его выступить съ притязаніями на мѣстность, гдѣ находились

алмазы. Англія конечно вступилась за права туземцевъ и въ 1871 г. присоединила къ своимъ владѣніямъ весь округъ Кимберлея. Ватербуру отвели десятую часть округа, а Оранжевый фрейштатъ заставили удовольствоваться вознагражденіемъ въ 90,000 ф. стерл. за владѣніе, изъ котораго въ настоящее время извлекается алмазовъ на четыре милліона фунтовъ—36 милліоновъ рублей.

Посланный англійскимъ правительствомъ въ 1875 г. въ Южную Африку извѣстный историкъ Фраудъ говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи: «Мнѣ самому пришлось разбирать подробности этой сдѣлки, можетъ-быть самой позорной въ лѣтописи англійской колониальной исторіи».

Какъ бы то ни было,—сдѣлка была выгодна. Блестящій результатъ, который дали алмазныя копи Кимберлея, былъ главнымъ образомъ достигнуть тѣмъ, что онѣ послѣ краткаго періода свободной конкуренціи и исканія алмазовъ на личный страхъ перешли въ руки одной могущественной компаніи—Де-Берса, которая монополизировала разработку копей. Такимъ образомъ «господа Родсъ, Бейтъ, Барнато, Ротшильдъ» и небольшая горсть товарищей-капиталистовъ получили возможность произвольно распоряжаться какъ самой промышленностью, такъ и рынкомъ, устанавливая спросъ на трудъ и плату за него, количество добываемыхъ алмазовъ и цѣну на нихъ сообразно съ ихъ разсчетами и максимальнымъ барышемъ для компаніи.

Совершенно то же, но въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ, повторилось или должно повториться въ Трансваалѣ. Послѣ побѣдоноснаго отпора, который Жуберъ далъ англичанамъ въ 1881 году при Амадзубѣ, и вслѣдствіе примирительной политики Гладстона Англія въ 1884 году признала самостоятельность Трансваала, какъ извѣстно, съ однимъ только ограниченіемъ, а именно по отношенію къ праву Трансваала заключать договоры съ иностранными государствами, — такіе договоры нуждались въ согласіи Англіи.

Но два года спустя въ мѣстности Витватерсъ-Ранда оказалось золото. И здѣсь, въ теченіе 13-ти лѣтъ, истек-

шихъ съ тѣхъ поръ, стала происходить быстрая концентрація силъ современнаго капитализма; число независимыхъ фирмъ уменьшалось, а кромѣ того ихъ независимость парализовалась тѣмъ, что большая часть паевъ каждой фирмы принадлежала руководителямъ другихъ компаній. Эта наклонность къ централизаціи усилилась съ 1891 года, когда обнаружилась выгодность разработки и болѣе глубоко лежащихъ пластовъ, требовавшей большей затраты капитала. Учрежденная въ то время контрольная «Рудниковая палата», сдѣлалась главнымъ орудіемъ, съ помощью котораго «группа Экштейна», состоящая изъ лицъ, руководящихъ компаніей Де-Берса, установила свое преобладаніе и въ золотой промышленности. Нѣсколько времени Дж. Б. Робинсонъ, единственный независимый дѣятель въ этой области, поддерживалъ съ помощью нѣсколькихъ французскихъ и нѣмецкихъ фирмъ сколько-нибудь серьезную оппозицію противъ захвата монополіи Экштейномъ съ компаніей; но въ послѣдніе два года силы этой оппозиціи были сломлены, и въ настоящее время «та самая группа людей, которая завладѣла алмазами Кимберлея, съ небольшимъ числомъ союзниковъ, по болѣе части иностранныхъ евреевъ, представляетъ собою высшую по своей организаціи форму международнаго капитализма и безусловно распоряжается золотою промышленностью Трансвааяля». Имена руководителей главныхъ компаній: Вернеръ, Бейтъ, Экштейнъ, Родсъ, Руддъ, Нейманъ, Ротшильдъ, Албу, Гётцъ, Руліо, Фарраръ, Барнато, Робинсонъ ясно указываютъ на отличный международный характеръ этой капиталистической силы.

Что это за люди и какіе ихъ интересы? Преимущественно это представители международнаго капитализма, и хотя они говорятъ по-англійски, большинство изъ нихъ съ материка. Такъ отзывается авторъ статьи въ «Contemporary Review», откуда почерпнуты эти свѣдѣнія, и его слова находятъ полное подтвержденіе въ сообщенномъ газетамъ извѣстии о недавнемъ большомъ собраніи пайщиковъ трансваальскихъ пріисковъ въ Парижѣ. Эти люди—

не политики: «Отвращеніе «дѣльцовъ» къ политикѣ — повсемѣстное явленіе: гдѣ политическія преграды, тарифы или запретительные законы преграждаютъ дорогу къ барышу (profit making), или гдѣ нужна государственная помощь, чтобы двинуть дѣло (push business), или обезпечить выгодную спекуляцію,—тамъ дѣльцы обыкновенно предпочитаютъ вліять посредствомъ благороднаго искусства за-дабриванія (gentle art of bribery), чѣмъ самимъ выступать на политическую арену. Лишь тамъ, гдѣ личное участіе въ законодательствѣ или административной власти существенное для промышленнаго успѣха, дѣльцы (economic man) становятся политиками, нѣсколько поступааясь своимъ природеннымъ космополитизмомъ и становясь лоялистами и патриотами».

Справедливость этой характеристики доказывается авторомъ не только на капиталистахъ «съ материка», но на самомъ Родсѣ. Дѣйствительно, когда въ 1884 году буры изъ Трансваала стали селиться въ землѣ бечуановъ и изъ Капа былъ посланъ генералъ Уорренъ, чтобы занять этотъ край для Англіи, Родсъ въ публичной рѣчи въ капскомъ собраніи говорилъ въ пользу Трансваала, такъ какъ онъ тогда опасался, что преждевременное присоединеніе къ Англіи страны бечуановъ помѣшаетъ его планамъ занять ее для своей привилегированной компаніи. Но какъ для Родса, такъ и для «товарищей съ материка» наступилъ моментъ стать англійскими патриотами..,

Моментъ этотъ былъ вызванъ громадными барышами, которые стало давать трансваальское золото—до 200 милл. рублей въ годъ—и финансовымъ законодательствомъ трансваальскаго правительства. Англія, какъ было сказано, не стѣсняла своихъ алмазныхъ набобовъ. Трансвааль поступилъ иначе, и когда золотое дно Витватерсъ-Ранда стало расхищаться пришельцами, Трансвааль обложилъ это расхищеніе пошлиной. Лишь съ 1892 года доходъ съ этихъ пошлинъ сталъ превышать расходъ Трансваала на администрацію и полицію въ Юганнесбургѣ и окрестностяхъ, куда собирались сорванцы со всего міра. Въ 1898 году

Трансвааль получили 70 миллионъ франковъ на 500 миллионъ, которые были вывезены изъ страны въ «доходъ международныхъ капиталистовъ». Эту пошлину нельзя назвать обременительной—70 на 570 составляетъ около 12%. Русское правительство взимаетъ съ золота отъ 3-хъ до 10-ти процентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ золото-промышленниковъ продавать все добытое золото исключительно въ казну, — золото такимъ образомъ остается въ государствѣ; изъ Трансвааля же оно вывозилось. Но для золотопрмышленности важенъ не только вопросъ о пошлинѣ; не менѣ значенія имѣютъ законы, регулирующие право разрабатывать россыпи или рудники, и условія работы. Въ этомъ отношеніи въ пользу трансваальскихъ законовъ о рудникахъ можно привести свидѣтельство англичанина Др. Кларка, утверждающаго, «не опасаясь встрѣтить противорѣчія», что «законъ о золотыхъ приискахъ Трансвааля болѣе либераленъ, и условія, при которыхъ разрѣшается гражданамъ или пришельцамъ копать золото, болѣе великодушны, чѣмъ гдѣ либо въ свѣтѣ». А другой англичанинъ, буквально повторяя это выраженіе, — *the most liberal in the world*, — указываетъ на то, что эти законы спеціально направлены противъ монополизациі рудниковъ, и что рудокопы Аляски ходатайствовали о примѣненіи ихъ къ нимъ. Но лучшимъ обличеніемъ лицемѣрныхъ жалобъ на трансваальское правительство служить то, что совершается въ самой Родезіи — созданіи Родса. Тамъ привилегированная компанія (*Chartered Company*) имѣетъ право на половину всего добытаго золота, или цѣны владѣнія, или права, запроданнаго какой-нибудь рудниковой компаніи, что побудило предсѣдателя собранія одной изъ такихъ компаній въ ноябрѣ 1899 г. заявить, что «Родезія хуже, чѣмъ Трансвааль».

Но много мнѣнія, конечно, объ этомъ владѣльцы трансваальскихъ копей: зачѣмъ дѣлиться барышами съ бурами? Какое дѣло этимъ дикарямъ до золота? А они еще кромѣ того вздумали законодательствовать и цѣлымъ рядомъ законовъ, косвенными налогами и запрещеніями уве-

личивали ежегодные расходы компаний золотопромышленниковъ на два съ половиной милліона фунтовъ стерлинговъ, по утверженію Фицпатрика, секретаря «комитета реформъ» въ 1896 году. Въ числѣ этихъ законовъ указываются динамитная монополія, законъ, регулирующий работу кафровъ въ копяхъ, запрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ, законъ объ условіяхъ, на которыхъ владѣльцы рудниковъ могутъ приобрести право производить раскопки въ имѣніяхъ, въ которыхъ они приобрѣли лишь право на поверхность.

Какой контрастъ съ положеніемъ дѣла въ Кимберлеѣ! Тамъ компанейцы царятъ и самовольно нарушаютъ самыя священныя права индивидуальной свободы и справедливости. Тамъ они провели законъ о «незаконной продажѣ алмазовъ», въ силу котораго всякій можетъ быть арестованъ за обладаніе нешлифованнымъ алмазомъ и признанъ виновнымъ въ незаконномъ присвоеніи его, если не докажетъ противнаго. Тамъ всякій вольнонаемный трудъ по договору обращается въ заключеніе съ принудительной работой; тамъ процвѣтаетъ пресловутая и запрещенная европейскими законами экономическая кабала (*truck-system*); тамъ, наконецъ, широкое примѣненіе работы каторжниковъ въ алмазныхъ копяхъ указываетъ на союзъ властей и алмазныхъ промышленниковъ. Ничего подобнаго не допускалось въ Трансваалѣ!

Вотъ причины, побудившія «рудниковыхъ вельможъ» искать политическаго вліянія въ Трансваалѣ, а когда это не удалось, — то желать ниспроверженія этого несноснаго правительства. Вотъ почему, говоря словами англійскаго автора, «причина причинъ, *causa causans*, современной смуты въ Южной Африкѣ заключается въ возраставшей необходимости для ея экономическихъ правителей сдѣлаться ея политическими правителями». Первымъ признакомъ ихъ нерасположенія къ правительству Крюгера былъ джемсоновскій наѣздъ. Онъ не удался, а между тѣмъ Трансвааль все усиливался, усиливался и вооружался — какъ разъ на средства тѣхъ, которые желали его гибели. Дѣло станови-

вилось не отложнымъ, — es war die höchste Zeit, какъ говорятъ по-нѣмецки. Власть надо было отнять у Крюгера и буровъ, хотя бы жертвою войны. Жертвою? — Для буровъ и англійскаго народа можетъ быть и жертвой, но не для рудниковыхъ вельможъ. Для нихъ война съ Трансваалемъ представлялась выгоднѣйшей спекуляціей, и притомъ спекуляціей почти навѣрняка. «То, что хищные коршуны Ранда должны нажить отъ войны, они сами намъ сказали. Послѣдній докладъ соединеннаго золотопромышленнаго товарищества Южной Африки указываетъ на то, что когда трансваальское правительство будетъ реформировано, компанія, которая даетъ теперь сто на сто, наживетъ добавочный дивидендъ въ четыре милліона фунтовъ (тридцать шесть милліоновъ рублей на сорокъ пять милліоновъ рублей ежегодно)»!.. (Westm. Rev., Febr., 122). А другой искусный дисконтѣрь высчиталъ, что при «хорошемъ правительствѣ» барыши возрастутъ съ 40,000 рублей до 90,800 рублей на пай; весь же годичный дивидендъ онъ высчитываетъ уже не въ 4 милліона фунтовъ стерлинговъ, а безъ малаго въ 5 (Fort. Rev.). Конечно, не такая блестящая будущность ожидаетъ аутлендеровъ, въ смыслѣ простыхъ рабочихъ: рудники Трансвааля усвоятъ себѣ ту же систему (compound system) «рабства», которая утвердилась въ Кимберлеѣ, и заработная плата будетъ уменьшена на 50%. Но тѣмъ болѣе возрастутъ барыши пайщиковъ!...

Итакъ вотъ причина войны! А на чашу войны принадлегли со всей своей мощью всѣ домашніе капиталисты-промышленники войны — фабриканты смертоноснаго оружія, пуль думъ-думъ, пороха и лиддита, военныхъ припасовъ, пароходныя компаніи и строители кораблей, — всѣ, кого война питаетъ и обогащаетъ... Но какъ бы ни былъ силенъ этотъ экономическій интересъ, онъ не достигъ бы своей цѣли, если бы не нашелъ себѣ союзника: этотъ союзникъ — британскій имперіализмъ, другая причина войны.

III.

Британскій имперіализмъ.

Все чаще и чаще встрѣчается это слово въ рѣчахъ англійскихъ политиковъ и на столбцахъ англійскихъ газетъ и журналовъ; все глубже и глубже захватываетъ англійское общество и народъ то настроеніе, которое это слово выражаетъ. Мы то-и-дѣло слышимъ, что «громадное большинство англичанъ—имперіалисты», что «британская публика обладаетъ инстинктами имперіалистической расы»; намъ даже говорятъ, что англичане—«до крайности имперіалистическій народъ»—*utmost imperial race*. Намъ заявляютъ, что «имперіалистическая идея выступила теперь на первый планъ англійской политики»; что, «какъ доказать опытъ прошлаго, въ будущемъ всякая партія и всякій государственный чловѣкъ, которые пожелали бы руководить британскимъ народомъ, должны положить имперіализмъ въ основу своей программы». Намъ увѣряютъ, что имперіализму принадлежитъ будущее, такъ какъ его идей проникся англійскій рабочій, и что союзъ (*wedded*) демократіи съ имперіализмомъ откроетъ для Англій новыя блестящія горизонты.

Но что же обозначаетъ собой этотъ имперіализмъ, такъ неожиданно разившійся на англійской почвѣ? Большинство употребляетъ это выраженіе, не давая себѣ труда его точнѣе опредѣлить; но встрѣчаются и такія опредѣленія: им-

періализмъ обозначаетъ «наше очевидное назначеніе развѣивать, расширять, увеличивать и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать государство, которое наши предки основали не столько въ опредѣленномъ намѣреніи, сколько вслѣдствіе бессознательнаго инстинкта строительства». Этотъ инстинктъ опредѣляется въ другомъ мѣстѣ весьма кратко и реально: «драться со всѣми и все забирать» — *to fight every body and to take every thing.*

Этотъ инстинктъ давно уже проявляется въ Британіи и, такъ сказать, привитъ англійскому народу исторіей. Это предки, притѣсненные къ морю и не имѣвшіе другого выхода, бросились на корабли, и скоро побережье Галліи и Британіи стало пустѣть отъ безопадныхъ грабежей англо-сакскихъ пиратовъ; наконецъ англо-саксамъ удалось завоевать Британію и превратить ее въ Англію. Но съ ними повторилось то же самое, что было съ бритами: какъ только они занялись мирнымъ земледѣліемъ, на нихъ стали налетать варяги, которымъ было «весело съ бурей бороться», и послѣднимъ также удалось захватить значительную часть страны. Съ XVI вѣка англичане стали сами предаваться варяжскому промыслу; ихъ положеніе на островѣ обезпечивало ихъ самихъ отъ нападеній и дозволяло имъ всѣ силы употреблять на нападенія, для которыхъ окружавшее ихъ море открывало имъ повсюду пути. Постепенно прогнавъ съ него всѣхъ своихъ соперниковъ, они могли осуществить завѣтъ своего народнаго гимна— «Царствуй Британія (*Rule Britannia*) на волнахъ». Въ два послѣдніе вѣка маленькое королевство превратилось въ царство (*empire*) съ тремястами миллионновъ подданныхъ, и его конституціонная королева была провозглашена императрицей Индіи. Но въ особенности должны были способствовать развитію имперіализма успѣхи послѣднихъ лѣтъ, когда все болѣе и болѣе полосъ на земномъ шарѣ стали закрашиваться англійскими цвѣтами. Въ своей рѣчи въ Эдинбургѣ въ 1896 году лордъ Розбери могъ заявить, что за послѣднія 12 лѣтъ 2,600,000 кв. миль земной поверхности присоединены къ Англіи или подчинены ей

вліянію, увеличивъ на цѣлую треть объемъ имперіи. А съ тѣхъ поръ совершилось пораженіе «Халифы» и присоединеніе громаднхъ владѣній на Верхнемъ Нилѣ; англійскій леопардъ появился въ Фашодѣ на разстояніи 2,200 миль отъ англійскаго флота.

Такое расширеніе англійскихъ владѣній выразилось въ новомъ названіи для самой страны: въ противоположность Велико-Британіи теперь стали говорить о Большей-Британіи (Greater Britain), разумѣя вмѣстѣ съ этимъ болѣе тѣсную экономическую, политическую и военную связь Англии съ ея заморскими колоніями въ Америкѣ и Азіи.

Обаяніе имперіализма отъ этого все больше возрастало; онъ сталъ силою и вслѣдствіе этого орудіемъ господствующей политической партіи, отъ чего онъ долженъ былъ еще болѣе усилиться. Въ прежнее время и между вождями виговъ были завязаны имперіалисты, какъ Палмерстонъ и Россель; съ распаденіемъ либеральной партіи и переходомъ болѣе ея части (уніонисты) къ консервативной партіи имперіализмъ сталъ знаменемъ и монополіей правительствующей нынѣ партіи. Если этотъ расколъ ослабилъ англійскихъ либераловъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ повліялъ на самый характеръ имперіализма. Отрѣшившись отъ всякихъ либеральныхъ преданій, имперіализмъ сталъ принимать формы джингоизма, т. е. того, что у французовъ называется шовинизмомъ. Джинго (отъ святаго Гингульфа!) — это простонародное бранное слово — было весьма умѣстнымъ обозначеніемъ этой обостренной, патологической формы общественнаго настроенія, которое онъ собою выражаетъ. Джингоизмъ соединялъ съ крайнимъ сомнѣніемъ, доходящимъ до цинизма, грубое отношеніе къ противникамъ. Обвиняя своего противника въ желаніи умалить Англию (Little England) и въ феніанизмъ, одинъ изъ африканскихъ джингоистовъ, на примѣръ, пишетъ: «Мнѣ радостно видѣть, какъ слабы такъ называемые (!) аргументы или попытки разсуждать даже со стороны самыхъ способныхъ изъ тѣхъ, которыя сознательно или бессознательно стремятся въ теченіе многихъ лѣтъ къ послѣдовательному

разрушенію міровой державы, основанной, какъ они сами должны признать, въ минуты прозрѣнія (lucid moments), на вѣчныхъ принципахъ правды, справедливости и свободы!» Такія воззванія къ праву и справедливости нисколько не мѣшаютъ другимъ империалистамъ привѣтствовать принципъ, провозглашенный главнымъ ихъ вождемъ, Чемберленомъ, въ парламентѣ. «Мы будемъ имѣть право употребить силу для того, чтобы вынудить повиновеніе нашей волѣ». Одинъ изъ империалистовъ, чтобы оправдать насиліе надъ бурами, спѣшитъ завѣрить тѣхъ, кто ихъ не знаетъ, что это «не болѣе и не менѣе какъ низкій типъ человѣческой породы»—low type of the genus homo. Другой отъ антропологии обращается къ поэзіи и цитуетъ слова Гёте: «Противъ тупости (stupidity) сами боги напрасно воюютъ».

Еще болѣе неумѣстна, чѣмъ эта ссылка на великаго поэта, попытка империалистовъ стать подъ сѣнь христіанской религіи. Можно назвать лишь кощунствомъ такія слова: «Господь создалъ и широко растянулъ британское государство и въ то же время англійское христіанство. Истинный империализмъ видитъ во всякой новой территории расширеніе славной задачи распространять Евангеліе англійскаго Христа!»¹⁾ «Вотъ съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на эту войну, чтобы не испытывать ни сожалѣній, ни какихъ-либо сомнѣній относительно ея необходимости и справедливости!» И никогда софистика и ханжество «клерджимена» не заходили такъ далеко, какъ въ попыткѣ де-Курси Леффена доказать, что хотя бы дѣло буровъ и было правое, все же война не представляетъ собой со стороны англійскаго народа и государства нравственнаго проступка, такъ какъ въ ней индивидуальный эгоизмъ тонетъ въ національномъ эгоизмѣ! — «Пусть только англійская нація проникнется вѣрою въ миссію, которую Господь поручилъ ей».

¹⁾ Изъ Greater-Britain Messenger прив. др. Кейперомъ въ Revue des Deux Mondes, февраль 1900 г.

Вотъ этотъ-то имперіализмъ проходитъ чрезъ всю исторію Южной Африки, оставляетъ ея ключъ отъ перваго до послѣдняго событія. Какъ скоро Голландія подпала подъ власть Франціи, Англія нашла моментъ удобнымъ, чтобы на ея счетъ обезпечить себѣ путь въ Индію, и захватила Капъ. Когда Наполеонъ палъ и пришло время возвратить Капъ Голландіи, и принцъ Оранскій сталъ на этомъ настаивать, лордъ Кастлери далъ чисто британскій, по своей откровенности, отвѣтъ: «Намъ судить о томъ, что отдать и что оставить за собой изъ вашихъ колоній». Басня, что принца Оранскаго вознаградили деньгами, недавно опровергнута. Буры, бывшіе хозяевами страны, почувствовали на себѣ тяжелую руку пришельцевъ. Названіе мѣстечка Шлахтерснекъ (бойня) сохраняетъ память объ этомъ. Когда былъ рѣшенъ вопросъ, что Капландія остается за Англіей, на сѣверѣ ея тотчасъ вспыхнуло небольшое возстаніе; возставшіе были окружены тройной военной силой, и пятеро изъ нихъ приговорены къ повѣшенію въ присутствіи остальныхъ. Висѣлица обломилась подъ тяжестью тѣлъ, упавшихъ на землю съ признаками жизни. Толпа молила о пощадѣ; но иноземный судья приказалъ вторично повѣсить осужденныхъ. Это было первое проявленіе новой власти относительно буровъ. Затѣмъ послѣдовало въ 1835 г. освобожденіе чернокожихъ туземцевъ отъ бѣлыхъ. Предписанная свыше мѣра не могла не раздражить буровъ. Разсѣянные въ пустынной странѣ по отдѣльнымъ хуторамъ, буры остались безъ рабочихъ и были предоставлены грабежамъ бывшихъ своихъ досужихъ и голодающихъ рабовъ. Въ вознагражденіе имъ парламентъ назначилъ менѣе 40% съ продажной цѣны рабовъ, причемъ выдача вознагражденія производилась въ Лондонѣ, такъ что бурамъ пришлось продавать свои свидѣтельства англійскимъ скупщикамъ и получить всего 19% стоимости отчужденныхъ рабовъ. Начаясь «большой выходъ» въ пустыню (de groote trek) въ 1837 г.; но рать фараонова послѣдовала за ушедшими: англійскія войска высадились въ 1842 году въ Дурбанъ и разбили буровъ. Наталь и Оранжевая область

были присоединены; часть буровъ ушла за рѣку Вааль. Наконецъ англійская политика дала передышку бурамъ и въ 1852 году признала независимость Трансвааля, а 1854 г. въ Блумфонтейнѣ признала независимость Оранжевой области. Но эта уступчивость продолжалась недолго: въ 1870 г. произошло «похищеніе» (stealing, какъ выражается англійскій авторъ) алмазныхъ полей Кимберлея; а въ 1877 г. сэръ Шипстонъ, вступивъ со своимъ отрядомъ въ Преторію и устроивъ комедію плебисцита, объявилъ о присоединеніи Трансвааля къ Англии. Ошеломленные буры послали депутацію въ Лондонъ, которая вернулась ни съ чѣмъ. Новая депутація къ англійскому комиссару (High Comissioner) въ Капъ, сэру Бартль - Фреру, услышала достойный проконсула отвѣтъ: «Трансвааль принадлежитъ англичанамъ и останется за ними». Англійскій же генераль Уолселей похвастался, что скорѣе солнце сойдетъ съ небосклона и рѣка Вааль потечетъ къ своимъ истокамъ, чѣмъ Трансвааль будетъ возвращенъ бурамъ. Тогда буры взяли за оружіе и одержали въ 1881 г. побѣду при Маджубѣ, гдѣ погибъ англійскій генераль Колли. Имъ возвратили независимость, но подь «сюзеренитетомъ» Англии. Отношенія однако остались натянутыми въ виду крайней неопредѣленности термина сюзеренитетъ, и тогда Гладстонъ, не желая создавать въ Африкѣ новой Ирландіи, заключилъ съ Трансваалемъ извѣстный трактатъ 1884 г., возвратившій Южно-африканской республикѣ независимость, съ оговоркой, чтобы ея договоры съ иностранными державами вступали въ силу лишь съ согласія Англии.

Для всѣхъ была ясна цѣль этого договора — засвидѣтельствовать независимость Трансвааля; самъ Чемберленъ еще въ 1896 году заявилъ въ официальномъ актѣ, что «правительство ея величества признаетъ Южно-африканскую республику свободнымъ и независимымъ правительствомъ по отношенію ко всѣмъ его внутреннимъ дѣламъ, которыхъ конвенція не касается».

Но когда появилось золото въ Трансваалѣ, понадобилось замутить воду. Начались безконечныя хитросплетенія по

отношенію къ политическимъ правамъ аутлендеровъ, нахлынувшихъ на Трансвааль. Смыслъ англійскихъ притязаній въ этомъ отношеніи глубоко траги-комиченъ. Никогда еще не бывало въ исторіи, что бы какая-нибудь держава навязывала сосѣдней державѣ своихъ подданныхъ, принуждая ее натурализовать ихъ вопреки ея желанію. Такая комедія, такая игра съ политическими принципами равноправности и справедливости не къ лицу гордому имперіализму; но послѣдній и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ себѣ: Когда комедія показалась слишкомъ длинна, имперіалисты организовали «Рейдъ» д-ра Джемсона, предтечи нынѣшняго чемберленовскаго «Рейда». Подвигъ д-ра Джемсона одинъ изъ англійскихъ авторовъ называетъ «разбойничьей экспедиціей организованныхъ бригантовъ, съ которыми въ Америкѣ судья Линчъ быстро бы расправился». А другой авторъ справедливо указалъ на то, что этотъ набѣгъ положилъ конецъ въ Трансвааль всѣмъ либеральнымъ уступкамъ и реформамъ. Когда варяжская выходка не удалась, снова вступилъ на сцену макиавелизмъ. Въ поддержку англійскихъ притязаній была выставлена новая теорія и для нея выкованъ новый терминъ—*ragamoutcy*. Смыслъ его тотъ, что Англія въ Южной Африкѣ—преобладающая держава, и потому ей во всѣхъ вопросахъ независимо отъ существующихъ конвенцій, на взирая на чужія права и свободу, принадлежитъ рѣшающее слово. И изобрѣтатель этой теоріи, Чемберленъ, не преминулъ сдѣлаться популярнѣйшимъ вождемъ народа, увлеченнаго имперіализмомъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что этотъ терминъ и это новое право *ragamoutcy* не что иное, какъ возведеніе въ теорію того, что на практикѣ давно примѣнилось—теоріи права сильного. Развѣ не на фактическомъ преобладаніи Англіи на морѣ основанъ ея кодексъ морскаго права?

Но къ счастью не всѣ англичане увлекаются имперіализмомъ, не всѣ считаютъ его своимъ идеаломъ. Въ самомъ еще началѣ подъема Англіи одинъ изъ ея лучшихъ національныхъ героев, содѣйствовавшій ея могуществу на

морѣ, Ралей (Raleigh), заклеимиль напередъ то тщеславное настроеніе (vain glorious), «которое превозноситъ себя какъ государственную (imperial) доблесть» и было настоящей причиною большей части войнъ, смущавшихъ міръ. А въ наши дни имперіализму пришлось выслушать въ Англии въ публичныхъ рѣчахъ и на страницахъ журналовъ такія горькія истины, которыя не рѣшился бы отъ себя сказать иностранецъ, уважающій англійскій народъ. Уже нечего говорить о моралистахъ Англии; но ихъ точку зрѣнія раздѣляютъ и другіе: «Не будучи моралистомъ, — сказалъ Ферфильдъ, — я утверждаю, что мораль и имперіализмъ всегда будутъ непримиримы». «Эта война такъ же оскорбительна для нравственнаго чувства, какъ и для здраваго смысла», — восклицаетъ «либеральный имперіалистъ» Гвинсъ Роджерсъ (Cont. R. Dec.). И прорія судьбы вложила самому Чемберлену въ уста такія слова: «Воевать съ бурами, чтобы исторгнуть у нихъ требуемыя реформы, было бы неразумно и безнравственно». Еще опредѣленнѣе клеймятъ политическіе противники Чемберлена, какъ Кэмпбелъ-Баннерманъ: «пошлый и подложный (bastard) имперіализмъ, состоящій въ томъ, чтобы раздражать, вызывать и нападать, кляузничать и интриговать противъ сосѣдей и все захватывать, — даже то, что намъ не нужно». А другой членъ парламента, Корбетъ, писалъ по поводу аутлендеровъ: «Великобританія видитъ въ этомъ вопросѣ лишь поводъ къ расширенію своихъ владѣній и поддается своей старой замашкѣ захватовъ, готовая стрѣлять, колоть, убивать, сожигать и разрушать все передъ собой, чтобы достигнуть своей цѣли». И тотъ же самый членъ парламента даетъ слѣдующее опредѣленіе типу «джинго». Это, сколько я понимаю, означаетъ одурѣвшаго человѣка, «клептоманиака», одержимаго болѣзненною страстью грабить, — человѣка, алчущаго того, что ему не принадлежитъ, и всегда готоваго идти на драку и убійство подобныхъ себѣ, чтобы добиться этого». Возражая другому члену парламента, М. Томпсону, приглашавшему своихъ соотечественниковъ присоединить къ Англии 1.159,237 кв. миль въ Южной Африкѣ и

не жалѣть для этого жертвъ, Корбетъ говоритъ: «Этотъ кроткій членъ парламента уподобился ручному и благовоспитанному (gentlemanly) тигру передъ кормешкой, который, рыча и облизывая свои губы, съ аппетитомъ ожидаетъ кровавого пира, для него приготовляемаго» (West. R., Nov.). Среди дикихъ кликовъ бѣснующихся Томпсоновъ слышатся въ англійской печати голоса благоразумныхъ людей, предостерегающихъ своихъ соотечественниковъ отъ роковаго увлеченія имперіализмомъ. «Противъ намѣренія покорить Южно-африканскую республику,—говоритъ Кортней, членъ парламента,—я питаю непреоборимую вражду, будучи убѣжденъ, что кичливое высокомеріе, которое называютъ имперіализмомъ, послужитъ къ гибели нашего отечества». А извѣстный и русскимъ читателямъ историкъ Брайсъ говоритъ: «Въ нашемъ нетерпѣніи вездѣ утвердить преобладаніе Британіи мы подняли силы, которыя въ концѣ-концовъ разрушатъ ее». Еще опредѣленнѣе рѣшается пророчить знатокъ Африки Селусъ: «Война хотя и можетъ намъ доставить золотыя копи Трансваала въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ, но, безъ сомнѣнія (infallibly), приведетъ насъ къ потерѣ всей Южной Африки еще при жизни многихъ изъ современниковъ». На степень принципа возвелъ вопросъ о средствахъ имперіализма почтенный Морлей, когда онъ на публичномъ собраніи своихъ избирателей сказалъ! «Говорятъ объ имперіи! имперія—да; но мы не хотимъ разбойничьей имперіи!» (Pirate Empire). Или анонимный авторъ, который, называя нынѣшнюю войну разбойничьимъ набѣгомъ (Raid), иронически вопрошаетъ: признавать ли намъ подстрекателей его «строителями имперіи?» Нѣтъ, назовемъ ихъ лучше — «губителями имперіи» (Empire wreckers). А изъ отдаленной Австраліи, откуда прибыли мѣстные ополченцы, чтобы добывать буровъ, въ то же время раздаются отдаленные раскаты грома въ грозномъ пророчествѣ Британіи: «и твои готы прійдутъ».

Но Англій грозятъ не одни внѣшніе враги; опаснѣе для нея внутренній врагъ—имперіализмъ, грозящій принципамъ, составлявшимъ ея славу и мощь и сдѣлавшимъ ее когда-то

передовой культурной державой Европы. Въ виду этого правы такіе представители раздробившейся либеральной партіи, какъ Гвинесъ Роджерсъ, который видитъ задачу этой партіи въ томъ, чтобы въ политикѣ будущаго «проводить (cultivating) принципы терпимости и терпѣливости». Дѣйствительно, въ этихъ доблестяхъ Англія нуждается въ Южной Африкѣ не менѣе, чѣмъ въ побѣдахъ. Гвинесъ Роджерсъ вспоминаетъ, что во дни его юности война съ Россіей вызывала такой же энтузіазмъ, какъ нынѣ война съ бурами, и что въ настоящее время она единодушно осуждается. Но отъ Крымской войны англичанамъ легко было избавиться: стоило лишь сѣсть на корабли и уплыть домой. Не такъ простъ южно-африканскій вопросъ. Тамъ империализмъ встрѣтился съ противникомъ, который не уступаетъ ему въ стойкости и растетъ въ силѣ вмѣстѣ съ нимъ. Этотъ противникъ—націонализмъ.

IV.

Национальный вопросъ въ Южной Африкѣ.

Международный капитализмъ, ищущій въ Трансваалѣ высокихъ дивидендовъ, и британскій империализмъ), провозгласившій девизъ «въ Южной Африкѣ нѣтъ мѣста для второй державы (for a second power)», натолкнулись при достиженіи своихъ цѣлей на націонализмъ буровъ, т. е. голландскихъ выходцевъ. Было время, когда предки англичанъ и голландцевъ жили по-сосѣдству на берегахъ Нѣмецкаго моря, мало отличаясь другъ отъ друга языкомъ и бытомъ; но исторія указала имъ разные пути, и потомки ихъ въ началѣ нынѣшняго вѣка встрѣтились какъ «враждебные братья». Голландцы заняли мысъ Доброй Надежды, лежавшій на пути англичанъ въ Индію и потому, проѣзжая мимо него въ Бомбей, англійскіе капитаны весьма недружелюбно относились къ своимъ соперникамъ въ торговлѣ съ Азіей. Когда обезсиленная Голландія стала добычей французовъ, и Англія вознамѣрилась воспользоваться случаемъ, чтобы «присоединить» Капландію, посланный ею на развѣдки капитанъ Пёрсиваль доносилъ, что «колонисты—народъ необщительный, негостепримный и грубый и что дѣйствія ихъ всегда внушены торгашескими и корыстными мотивами». А туземный историкъ Капа, Теаль, сообщаетъ, что колонисты считали англичанъ людьми «болѣе нахальными, чѣмъ всѣ прочіе смертные, ненасытными въ погонѣ за богатствомъ и смотрящими на все глазами, ослѣпленными національными предразсудками». Готовясь занять Капъ,

завоеватели не скрывали отъ себя нерасположенія къ нимъ колонистовъ: «Англичане,—отзывался Пёрсиваль,—будутъ изумлены тѣмъ, какое отвращеніе и даже ненависть питаютъ къ намъ голландцы».

Отвращеніе это, внушенное слѣпымъ расовымъ инстинктомъ, возросло отъ обиды, которую англичане нанесли «африкандерамъ», лишивъ ихъ отечества и превративъ въ подвластное племя. Но затѣмъ оно поддерживалось цѣлымъ рядомъ другихъ мотивовъ — экономическихъ, религіозныхъ, бытовыхъ. Сто лѣтъ безъ малаго прошло съ тѣхъ поръ, какъ англичане захватили Капландію; во многихъ мѣстностяхъ Южной Африки живутъ попережку англичане и голландцы, но контрастъ между ними почти вездѣ такъ же свѣжъ, какъ при первой встрѣчѣ. До сихъ поръ большая часть голландскихъ колонистовъ—буры, т. е. живущіе на волѣ земледѣльцы и скотоводы, съ малолѣтства привыкшіе рыскать по горамъ и доламъ съ винтовкой за плечами; англичане—горожане и торговцы. Лишь на сѣверо-востокѣ Капланди, гдѣ англійское правительство, распустивъ послѣ паденія Наполеона свою армію, поселило 4,000 солдатъ, большею частью нѣмцевъ,—англійское фермерство пустило болѣе глубокіе корни. Но вообще до сихъ поръ обѣ расы живутъ каждый своимъ бытомъ, и этотъ бытъ отражается на нравственномъ обликѣ ихъ и дѣлаетъ ихъ другъ-другу чуждыми и непонятными. «Недовѣрчивость (mistrust)—основной тонъ въ натурѣ бура»,—пишетъ англійскій «клерджи-менъ» изъ Южной Африки.—«О бурахъ говорятъ, что они были піонерами цивилизаціи, на самомъ дѣлѣ они лишь бѣглецы отъ уравнивающаго вліянія цивилизованнаго общества. Недовѣрчивость къ своимъ сосѣдямъ побудила ихъ откочевать на сѣверъ отъ Ваала и недовѣрчивость другъ къ другу заставляетъ ихъ устанавливать свои хозяйства на такихъ громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, что нѣсколько тысячъ изъ нихъ занимаютъ страну вдвое больше Англии. Въ добровольномъ (self-sought) уединеніи они пытались уйти отъ прилива цивилизаціи».

Такъ, вѣроятно, разсуждали жрецы Аммона-Ра, когда

съ изумленіемъ узнали, что древніе израильтяне, побрезгавъ привольнымъ житіемъ—«котлами съ мясомъ»—Египта, откочевали въ Синайскую пустыню!

Поэты и моралисты-фантазёры нерѣдко увлекаются идилліей деревенскаго, земледѣльскаго или пастушескаго быта. Но «дѣльцамъ» англійскихъ городовъ чужда такая сентиментальность. Въ глазахъ англичанина на Капѣ буръ представляеть лишь архаизмъ, чудовищное соединеніе несомѣстимыхъ свойствъ. «Каждый буръ въ одномъ лицѣ—фермеръ, политикъ и воинъ: мѣстное управленіе, которое ему любо, ведется его фельдкорнетами и комендантами; избиратели и постоянная армія тождественны. Британскій иммигрантъ, обитающій въ южно-африканскихъ городахъ, напротивъ,—купецъ, лавочникъ, человѣкъ свободной профессіи или ремесленникъ. По его понятіямъ военное дѣло (fighting business) относится къ другому департаменту національнаго хозяйства. Онъ уплачиваетъ свои подати (he is a taxpayer), онъ можетъ быть волонтеромъ; но, чтобы сдѣлать изъ него солдата, для этого надо было бы узаконить наборъ».

Особенно непріятно горожанамъ, что у этихъ деревенскихъ дикарей всегда за плечами ружье, которымъ они не шутятъ. Непріятно также, что печать и парламентъ буровъ выражаютъ съ грубой откровенностью свое презрѣніе къ «горланамъ (du schreewers—Schreier) въ городахъ съ ихъ склонностью къ массовымъ митингамъ и подобнымъ безплоднымъ манифестаціямъ».

Буры же молча, серьезно и какъ «одинъ человѣкъ» дѣлаютъ свое дѣло; пріѣдетъ избранный ими фельдкорнетъ (есаулъ) въ ихъ «дорпъ» (деревню), скажетъ имъ слово отъ Гофмейера или Стейна,—и они знаютъ, что имъ дѣлать.

Но злоба англійскихъ горожанъ обуславливается не одной антипатіей къ бурамъ: тутъ сильно задѣты экономическіе интересы обѣихъ сторонъ. Чтò выгодно для однихъ, то болѣе или менѣе разорительно для другихъ. Горожане любятъ низкія цѣны на сельскіе продукты и стоятъ поэтому за свободную торговлю, а бурамъ нуженъ охра-

нительный тарифъ; среди буровъ во всей Африкѣ «не найдется и 50-ти фри-тредеровъ». А они то въ настоящее время составляютъ большинство капскаго парламента и орудуютъ законодательной машиной. Англичане Капа жалятся своимъ землякамъ въ Лондонѣ, что у нихъ самый «дорогой хлѣбъ въ мірѣ» и что даже, когда свирѣпствовала чума рогатаго скота, запрещеніе ввозить мясо въ жестянкахъ (chilled meat) не было снято. «Наши крики у дверей парламента раздаются на вѣтеръ въ виду внушительнаго образа ружья, висящаго на стѣнѣ отдаленной избы». Парламентъ знаетъ, что нужно буру для того, чтобы дѣти его не пошли по міру и чтобы его рабочій изъ кафровъ не спился «дешевой водкой въ 22 копѣйки бутылка».

Но изъ вышеприведеннаго осужденія буровъ англиканскимъ «реверендомъ» можно заключить еще объ одной новой причинѣ отчужденія между англичанами и бурами: къ національному и экономическому антагонизму присоединился религіозный антагонизмъ. Государственная церковь Англии—епископальная, а буры, какъ голландцы—кальвинисты, приверженцы того толка, который въ Англии и Америкѣ называется «пресвитеріанствомъ». Какъ ревностные пресвитеріане, они находятся подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ пасторовъ. И это понятно. Голландскіе колонисты, какъ и присоединившіеся къ нимъ гугеноты, бѣжавшіе въ Африку, чтобы спасти свою вѣру, были чрезвычайно религіозные люди; разбросанные по африканскому плоскогорью, не имѣя ни отечества, ни свѣтской литературы, они высоко чтили своихъ проповѣдниковъ-истолкователей священнаго писанія, единственной книги, которую они всегда читали; и духовенство, какъ всегда при такимъ условіяхъ, стало въ Южной Африкѣ руководящимъ классомъ, душою національной жизни, носителемъ культуры и залогомъ будущаго. Но именно это усиливало раздраженіе противъ буровъ со стороны не только англиканскаго духовенства, но и мисіонеровъ-методистовъ, которые въ значительномъ числѣ селились среди чернокожихъ туземцевъ и не только держали ихъ сторону, но и возстановляли ихъ противъ бу-

ровъ. Такимъ образомъ въ британской Африкѣ повторились въ нашемъ вѣкѣ въ болѣе мирной формѣ религіозныя распри, раздиравшія въ XVII в. политическую жизнь самой Англии, когда тамъ боролись между собою англикане, пресвитеріане и индепенденты. Всего лучше буры уживались съ шотландцами, которые также пресвитеріане, и англійскіе наблюдатели не даромъ находятъ большое сходство между бурами и шотландцами.

Высокомѣріе и вражда англичанъ къ бурамъ съ особенной силой проявлялась по отношенію къ бурамъ Трансвааля, имѣющимъ свое правительство и свою политику. Форма этого правительства по своей простотѣ и первобытности не могла быть сочувственна англичанамъ, которые повсюду приносили съ собою выработавшійся у нихъ на родинѣ сложный парламентскій строй; буры же усвоили себѣ первобытную форму народнаго вѣча — фолксраада, являющагося, какъ въ утопіи Руссо, не только законодательнымъ, но и учредительнымъ собраніемъ, по своему усмотрѣнію устанавливающимъ самую форму правительства.

Гордое чувство превосходства своей цивилизаціи надъ буромъ и высокомѣрное пренебреженіе «просвѣщеннаго мореплавателя» къ первобытнымъ колонистамъ Африки особенно наглядно высказалось въ статьѣ нѣкогого Гиллиера въ январьской книжкѣ «Fortnightly Review». Этотъ авторъ старается доказать, что буры подъ вліяніемъ дикарей, среди которыхъ они жили, сами одичали. «Двухвѣковое общеніе между туземцами и бурами наложило печать на характеръ и учрежденія буровъ, замѣтную почти во всѣхъ отрасляхъ жизни. Оно повліяло на ихъ языкъ, внушило имъ ихъ военную тактику и, наконецъ, въ Трансваалѣ его духъ запятналъ суды и овладѣлъ законодательствомъ. «Кафрская политика», синонимъ коварства и вѣроломства въ веденіи общественныхъ дѣлъ, давно уже овладѣла жителями Трансвааля». Какимъ же способомъ это доказывается? По поводу языка буровъ Гиллиеръ приводитъ любопытныя данныя изъ Теала, историка Капландіи, изъ которыхъ видно, что языкъ буровъ отличается отъ совре-

меннаго голландскаго не только тѣмъ, что сохранилъ архаическій характеръ XVII вѣка и не принялъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ съ тѣхъ поръ въ голландскій языкъ, но и тѣмъ, что онъ упростился въ грамматическомъ отношеніи. Теалъ объясняетъ это тѣмъ, что первые колонисты были принуждены передавать свои мысли купленнымъ неграмъ и готтентотамъ и поневолѣ дѣлали это въ выраженіяхъ, съ которыми они стали бы обращаться къ дѣтямъ. А затѣмъ этотъ упрощенный языкъ вошелъ въ обращеніе между ними самими. Гиллиеръ пользуется этой справкой для умозаключенія, что такой упрощенный языкъ не могъ способствовать ни «моральнымъ» (!), ни умственнымъ интересамъ буровъ. Еще оригинальнѣе другая догадка Гиллиера, что военная тактика буровъ заимствована у зулусовъ и другихъ народцевъ племени Бангу». Когда они нападаютъ, ихъ главная цѣль (idea) подвигаться впередъ въ формѣ полудунія, окружить врага и въ удобный моментъ одолѣть его». Судя по этому объясненію, можно подумать, что тактика Мольтке, пришедшая къ Седану, также заимствована у зулусовъ. Чтобы обличить правосудіе буровъ, Гиллиеръ указываетъ лишь на размолвку между исполнительной властью Трансвааля и главнымъ судьей, и на дѣло «Эдгара», т. е. оправданіе полицейскаго солдата въ Йоганнесбургѣ, совершившаго убійство при самооборонѣ. Что касается до «кафрекой политики» буровъ, до двоедушія и вѣроломства ихъ, то доказательствъ не приводится никакихъ, и очевидно, что это обвиненіе вытекаетъ лишь изъ того чувства, которое испытали римляне, когда убѣдились, что Цивились умнѣе, чѣмъ они ожидали отъ варвара. Зато упрекъ въ двоедушіи и коварствѣ легко могъ бы быть обращенъ по противоположному адресу. Такъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ важныхъ постановленій фолксраада было напечатано въ англійской «Синей книгѣ» не по официальному тексту, а съ пропускомъ существенныхъ словъ, что побудило члена парламента д-ръ Кларка заявить о лживомъ искаженіи текста «Синей книги».

А затѣмъ, въ предпоследней своей депешѣ Крюгеръ

сдѣлалъ такія уступки относительно права голоса аутлендеровъ, что война могла бы быть предотвращена. Чемберленъ однако далъ на нее отвѣтъ, который Крюгеръ принялъ за отказъ. Между тѣмъ Чемберленъ послѣ того объявлялъ 16-го октября въ парламентѣ, что онъ условно принялъ предложеніе Крюгера (qualified acceptance) и что разногласіе касалось лишь одной десятой части предложенія. Но почему же онъ, «замѣтивъ, что Крюгеръ принялъ его отвѣтъ за отказъ, не разъясялъ этого недоразумѣнія, а вмѣсто этого онъ уѣхалъ въ сѣверную Англію, зная, что все это поведетъ къ войнѣ? (*Revue des deux Mondes*, 1 февр.). Систематическій обманъ англійской публики, на который жаловался д-ръ Кларкъ, практикуется и вторымъ виновникомъ южно-африканской войны, губернаторомъ Капа, сэромъ Мильнеромъ. На-дняхъ только англійская газета *Морнингтъ-Лидеръ* опубликовала выдержки изъ трансваальской «Синей книги», изъ которыхъ видно, что Стейнъ никогда не издавалъ прокламаціи о присоединеніи къ Оранжевой республикѣ занятыхъ бурами областей, о чемъ Мильнеръ донесъ въ Лондонъ, и что опроверженіе Стейна не было опубликовано Мильнеромъ.

Что сказать объ авторѣ, который на основаніи вышеприведенныхъ голословныхъ обвиненій дѣлаетъ выводъ, что политика буровъ заимствована у кафровъ и правленіе ихъ—«систематическая тиранія, несправедливость и жестокость»? Что же касается до разглагольствованій Гиллера объ одичаніи буровъ, то они опровергаются его собственными словами, что въ «умственномъ отношеніи буры не выродились», и молодые буры, пріѣзжающіе въ шотландскіе университеты, не уступаютъ англійской и прочей европейской молодежи.

Нравственный и культурный обликъ буровъ не нуждается въ защитѣ: семейный бытъ ихъ заслуживаетъ тѣхъ же похвалъ, какими надѣлялъ Тацитъ ихъ предковъ. Несмотря на проживаніе въ пустынныхъ мѣстахъ среди порабощенныхъ туземцевъ, буры сохранили чистоту своей расы, и въ ихъ областяхъ совершенно нѣтъ того жалкаго

«разноцвѣтнаго» населенія, которое представляетъ язву испанскихъ колоній. «Буры Южной Африки, — говоритъ Фраудъ, — изъ всѣхъ людей на земномъ шарѣ ближе всего подходятъ къ описанію у Горация римскихъ крестьянъ, наносившихъ пораженія Пирру и Ганнибалу. Тамъ вы найдете такое же строгое послушаніе родителямъ, какое было у древнихъ Сабинянъ, *severa mater* (строгую мать), которая, когда ея сыновья идутъ сражаться за отечество, подастъ имъ ружье и скажетъ имъ вернуться съ оружіемъ въ рукахъ или вовсе не возвращаться». Тотъ же Фраудъ говоритъ, что онъ не знаетъ «народа менѣе тупаго», а Грей выставляетъ буровъ образцами гражданскаго и общественнаго духа. И даже въ настоящую войну такой извѣстный англійскій корреспондентъ, какъ Путней Биджло, вступается за нихъ, — правда чисто англійскимъ способомъ: «Буры, которые пришли въ соприкосновеніе съ нашими рудниковыми спекулянтами, конечно, немногаго стоятъ и обладаютъ, — мнѣ тяжело это сказать, — всѣми нашими пороками. Но довольно еще есть бургеровъ стараго пошиба, обладающихъ нашими лучшими свойствами».

Конечно, въ пустыняхъ Африки цивилизація не развивается такими быстрыми шагами, какъ въ густо населенныхъ городахъ Англии. Англичане правы, когда они ставятъ себѣ въ заслугу, что благодаря имъ африканскія пустыни прорѣзаны желѣзными дорогами, вдоль которыхъ вырастаютъ города и развивается торговля и промышленность. Хотя, когда первый президентъ Трансвааля вздумалъ провести желѣзную дорогу изъ Преторіи къ бухтѣ Делагоа, англійскіе купцы и капиталисты Капа старались всевозможными способами этому воспрепятствовать, чтобы монополизировать торговлю въ Южной Африкѣ. Но трижды неправы тѣ, которые оправдываютъ интересами цивилизаціи войну съ бурами и захватъ Трансвааля. Какой абсурдъ! Какая антикультурная затѣя — вносить цивилизацію посредствомъ солдатъ, изъ которыхъ 522 на 1,000 содержатся ежегодно въ специальномъ госпиталѣ; солдатъ, которые публично хвастаются тѣмъ, сколько золотыхъ часовъ и фунтовъ стерлинговъ

они сняли на полѣ битвы съ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ враговъ¹⁾; солдатъ прикалывающихъ штыками лежащихъ на землѣ раненыхъ и привязывающихъ раненыхъ плѣнныхъ веревками къ пушкамъ; солдатъ, запятнавшихъ себя тѣмъ позорнымъ насиліемъ надъ голландскими женщинами и дѣвочками въ Рустенбургѣ, за которое никто еще не привлеченъ къ отвѣтственности.

Современныя нападки въ англійской печати на буровъ представляютъ собою лишь знаменательный симптомъ раздраженія расоваго чувства. Расовый инстинктъ не разсуждаетъ, а чувствуетъ: *race does not reason—it feels*,—справедливо замѣчается въ одномъ изъ этихъ органовъ; но въ виду этого слѣдуетъ спросить, какъ же держалось англійское правительство въ трудномъ дѣлѣ управления чужой расой и по отношенію къ національному чувству буровъ?

Изъ чисто англійскихъ источниковъ приходится дѣлать выводъ, что нынѣшняя война есть лишь послѣдствіе притѣснительной политики, которой Англія слѣдовала въ теченіе вѣка по отношенію къ своимъ голландскимъ подданнымъ. Англичанинъ Парвисъ заявилъ, что «исторія англійскаго владычества въ Южной Африкѣ—не чтò иное, какъ рядъ ошибокъ и безтактностей, бывшихъ слѣдствіемъ предрасудковъ и невѣжества нашего правительства». А Фраудъ сказалъ еще въ семидесятыхъ годахъ: «Мы просто пожинаемъ то, что было посеяно семидесятью годами ошибокъ». Англійское правительство дѣйствовало безцеремонно, высокомерно и оскорбительно для національнаго чувства буровъ даже тамъ, гдѣ оно проводило культурные принципы, какъ на примѣръ, при эмансипаціи чернокожихъ. Но еще до этого англійское правительство доказало бурамъ, что смотреть на нихъ какъ на покоренныхъ и безправныхъ: въ 1825 г. былъ изданъ законъ, въ силу котораго вводился съ 1828 года въ судахъ и въ мѣстномъ самоуправленіи англійскій языкъ. Голландцы утратили возможность быть присяжными, избираться въ судьи и засѣдать въ городскихъ Думахъ; они были при-

¹⁾ Подробности въ *Revue des deux Mondes* 1-го марта, стр. 52 п. д.

нуждены вести всё свои гражданскія дѣла черезъ англійскихъ адвокатовъ, а извѣстно, чего это стоитъ! А когда въ 1852 г. было введено парламентское правленіе въ Капъ, въ уставѣ его было установлено, что всё пренія должны происходить по-англійски.

Можетъ-быть, не менѣе важныя послѣдствія имѣла церковная политика Англии въ Южной Африкѣ. Голландцы добыли себѣ независимость и создали себѣ національность въ борьбѣ за религію; понятно поэтому, что у нихъ въ XVII вѣкѣ, какъ въ древней Женевѣ, политическая жизнь была тѣсно переплетена съ церковной; слѣды этой традиціи сохранились еще въ Трансваалѣ, гдѣ католики и евреи лишены права занимать должность президента и быть членами фолкераада. Съ захватомъ власти англичанами не только прекратилось привилегированное положеніе голландской реформатской церкви, но изсякли ея средства. Сначала англичане еще выдавали церквамъ пособія изъ государственнаго казначейства соразмѣрно съ числомъ прихожанъ каждаго исповѣданія, — система, которая теперь еще въ силѣ въ Оранжевой республикѣ, — но въ 1875 г. въ Капландѣ былъ изданъ законъ, отмѣнявшій пособіе отъ государства церквамъ и сохранявшій жалованье и пенсіи лишь за тѣми изъ духовныхъ лицъ, которыя ихъ раньше получали отъ казны.

Такъ буры стали все болѣе и болѣе чувствовать, что они живутъ подъ чужой и чуждой имъ властью; а между тѣмъ ихъ національное сознаніе росло и ихъ матеріальное положеніе въ Южной Африкѣ улучшалось. Въ XVIII вѣкѣ на первомъ планѣ стояли идеалы общечеловѣческіе и культурные. Но самая сила этихъ идеаловъ должна была пробудить національность тамъ, гдѣ она была подавлена. Поразительный примѣръ пробужденія уже совершенно заглушенной національности представляютъ собою валлисы кимры, т.-е. жители Уелса. Подъ вліяніемъ реформаціи, пришедшей къ нимъ изъ Англии, валлисы стали усваивать себѣ англійскій языкъ и забывать о своей національности. Этому содѣйствовала и послѣдовательная политика правительства,

назначившаго съ 1703 по 1870 г. изъ 66-ти епископовъ въ Уелсѣ только одного кимра. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII вѣка можно было думать, что кимрскій языкъ въ Уелсѣ вымираетъ; большинство кимровъ говорило на двухъ языкахъ, а многіе совершенно забыли свой національный языкъ. И что же мы видимъ теперь? За отливомъ послѣдовалъ сильнѣйшій приливъ національнаго чувства. По всей странѣ проповѣди произносятся на кимрскомъ языкѣ, во всѣхъ народныхъ школахъ учатся этому языку; на кимрскомъ языкѣ издаются газеты, объ его развитіи заботятся литературныя Общества, возникающія во всѣхъ городахъ. Даже въ торговомъ городѣ Кэрдифѣ, гдѣ много пришлыхъ англичанъ, на запросъ мѣстной Думы у жителей, «вести ли въ городскихъ школахъ преподаваніе на кимрскомъ языкѣ, болѣе 80% изъ 173,796 жителей отвѣтили утвердительно.

Подобнымъ образомъ развитіе культуры привело и въ Южной Африкѣ къ усилению голландской національности, и сами англичане невольно этому содѣйствовали своей политической системой. Подъемъ голландской національности въ Южной Африкѣ прежде всего обуславливался изумительнымъ ростомъ бурскаго населенія. Въ 1804 г. этого населенія насчитывалось 60,000, въ ихъ числѣ было 15,000 рейтеровъ, или вооруженныхъ мужчинъ. Въ настоящее время бѣлое населеніе Южной Африки вычисляется въ 900,000, причемъ на долю буровъ приходится 520,000. Уступая давленію голландскаго большинства, англійское правительство въ 1882 году допустило въ капскомъ парламентѣ употребленіе голландскаго языка, а два года спустя разрѣшило его въ судахъ. Могучимъ орудіемъ національнаго подъема буровъ стала, конечно, голландская печать и главнымъ образомъ издаваемый извѣстнымъ капскимъ политикомъ, Гофмейеромъ, органъ *Ons Land* — Наша Земля. Еще болѣе непосредственное политическое значеніе получила «ассоціація мужей Африки» — *Africanderbond*. Во всемъ этомъ національномъ движеніи видное мѣсто принадлежитъ пасторамъ. Первымъ проповѣдникомъ «афри-

кандерства» былъ пасторъ Бургерсъ, онъ же и первый президентъ Трансвааля. Въ числѣ основателей «Африкандербонда» главную роль игралъ пасторъ Дю-Тоа (du Toit), а нынѣшнимъ лѣтомъ профессоръ богословія Ліонъ-Каше (Cachet), глава реформатской церкви въ Южной Африкѣ, публично заявилъ, что его сынъ находится въ Оранжевой республикѣ, и если возникнетъ война съ Трансваалемъ, то Оранжевая республика приметъ въ ней участіе. Неудивительно, что когда вспыхнула война, то пришлось закрыть богословскую семинарію въ Бургерсдорпѣ, въ Капландіи, такъ какъ большинство студентовъ ушло воевать за Трансвааль. Такъ подъ влияніемъ національныхъ и религіозныхъ мотивовъ стало крѣпнуть политическое сознаніе буровъ и, назрѣвъ подъ давленіемъ британскаго имперіализма, стало лелѣять мечту о національной самостоятельности — «объ освобожденіи отъ англійскаго господства Африки отъ Капа до Замбезе» — слова, приписываемыя Жуберу послѣ Амаджубы! Въ противоположность этому англичане хотятъ покоренія Трансвааля и устройства тамъ коронной колоніи, т. е. военной диктатуры, чтобы посредствомъ ея и съ помощью пришлыхъ капиталистовъ и рабочихъ легально подавить буровъ. Который изъ этихъ плановъ осуществится? Въ ближайшемъ будущемъ можетъ осуществиться послѣдній, вслѣдствіе вынужденнаго миролюбія европейскихъ правительствъ и постыднаго забвенія «республиканской партіи» въ Соединенныхъ Штатахъ тѣхъ принциповъ, благодаря которымъ Штаты существуютъ, и великодушной помощи, оказанной сподвижникамъ Вашингтона Франціей и Испаніей. Но взятіе Преторіи, назначеніе губернаторомъ Трансвааля сэра Редверса Буллера и предоставленіе золотого дна Йоганнесбурга «привилегированной компаніи» Родса съ ея высокотитулованными пайщиками еще не будетъ разрѣшеніемъ національнаго вопроса въ Южной Африкѣ. Буры не сдѣлаются англичанами. Слишкомъ крѣпко вычеканила исторія ихъ національность. Они не забудутъ завѣта перваго президента «свободнаго штата», Бранда, чело- вѣка весьма умѣреннаго и не желавшаго допустить

Африкандербондера въ Оранжевой республикѣ и однако сказавшаго англичанамъ: «Вашими друзьями, вашими союзниками мы готовы быть, — вашими подданными не будемъ никогда!» Это чувство переживетъ и африканскій капитализмъ и британскій имперіализмъ. Придетъ время, — нѣкоторые геологи думаютъ, что черезъ 50, а другіе черезъ 40 или даже 30 лѣтъ, — когда золотое дно Трансваала будетъ вычерпано, глубокія шахты его будутъ запущены, какъ брошены были въ незапамятныя времена въ сосѣднемъ Машоналандѣ «древнемъ Офирѣ» золотыя россыпи, куда посылалъ свои корабли вѣтхозавѣтный царь Гирамъ. Время положить предѣлы и британскому имперіализму. Но время усилитъ націонализмъ буровъ. Какъ побѣды при Амадзубѣ, при Маггерсфонтейнѣ и др. прославили имя буровъ, такъ прославятъ ихъ геройская катастрофа Кронье при Кодусдрифтѣ и тѣ пораженія, которыя еще могутъ быть впереди. Съ гибели царя Леонида и его 300 воиновъ началось историческое величіе Спарты. Кто зналъ о буряхъ въ прошломъ году и кто ихъ не знаетъ теперь? Буры заняли прочное и почетное мѣсто въ сознаниіи и заботахъ человѣчества. Какое они займутъ положеніе въ Южной Африкѣ, это зависитъ отъ разныхъ условій, въ особенности отъ притока въ ихъ страну и численности англійскихъ иммигрантовъ. Но сама Африка, новая родина ихъ, будетъ ихъ защищать, какъ нѣкогда океанъ защищалъ ихъ предковъ. Громадныя пространства по Оранжевой рѣкѣ, по Ваалу и Крокодиловой рѣкѣ всегда будутъ степями и притонами, какъ прежде — дикихъ львовъ, такъ теперь — геройскихъ буровъ. Сами англичане указываютъ на то, что буры уже «расползлись по сосѣднимъ съ Трансваалемъ областямъ, по странѣ зулусовъ, Бечуаналандѣ, Родезіи и даже отдаленному Нгамиланду, и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, черезъ 50 лѣтъ буры будутъ расселены по всей громадной территоріи на югъ отъ Замбезе, а можетъ-быть, далеко за этой рѣкой, тогда какъ англичане будутъ тѣсниться въ нѣсколькихъ прибрежныхъ и внутреннихъ городахъ». Пусть будетъ такъ. Буры и англичане въ концѣ-

концовъ могутъ ужиться въ мирной конфедераціи, какъ уживаются въ Швейцаріи три національности, болѣе чужды другъ - другу по языку, вѣрѣ и происхожденію. Но глубоко ошибаются такіе совѣтники англійскаго народа, какъ «почтенный» каноникъ при соборѣ въ Гремстаунѣ, въ Капландіи, который рукоплещетъ войнѣ, увѣряя, что «война покончитъ съ расовымъ чувствомъ, потому что расовое чувство буровъ противъ британцевъ было основано на ихъ пренебреженіи къ британской арміи и къ британскому флагу». Насиліе никогда еще не врачевало ранъ національнаго чувства. Нельзя безъ глубокой грусти перелистывать теперь англійскіе журналы наканунѣ войны, въ которыхъ между прочимъ такой старожилъ Африки и знатокъ ея, какъ Брейденъ, до очевидности ясно доказывалъ своимъ соотечественникамъ, что война не только не можетъ быть оправдана (unjustifiable), но что она неминуемо принесетъ разореніе для всего края на югъ отъ Замбезе и оставитъ наслѣдіе вѣчной ненависти и недобря между обѣими бѣлыми расами. Но взяли верхъ единомышленники Родса, увѣрявшаго своихъ соотечественниковъ, что «если только лондонское правительство будетъ твердо стоять на своемъ, трансваальскій вопросъ разрешится въ нѣсколько мѣсяцевъ безъ одинаго выстрѣла». Взяли верхъ чистокровные имперіалисты, наивно заявлявшіе, что «гдѣ только замѣшанъ британскій интересъ,—въ Египтѣ ли, въ Южной Африкѣ, или гдѣ бы то ни было въ мірѣ,—они за то, что бы идти впередъ и отстаивать этотъ интересъ, хотя бы цѣною захвата и риска войны» (Dicey Fortnight. R. Septem.). Тяжелую отвѣтственность приняли на себя эти люди, побудившіе англійскій народъ не только совершить, какъ выразился самъ Чемберленъ, «національное преступленіе», national crime,—но открыть двадцатый вѣкъ злодѣяніемъ противъ человѣчества и цивилизаціи, котораго не забудетъ исторія!..

В. Герье.

Цѣна 40 коп.